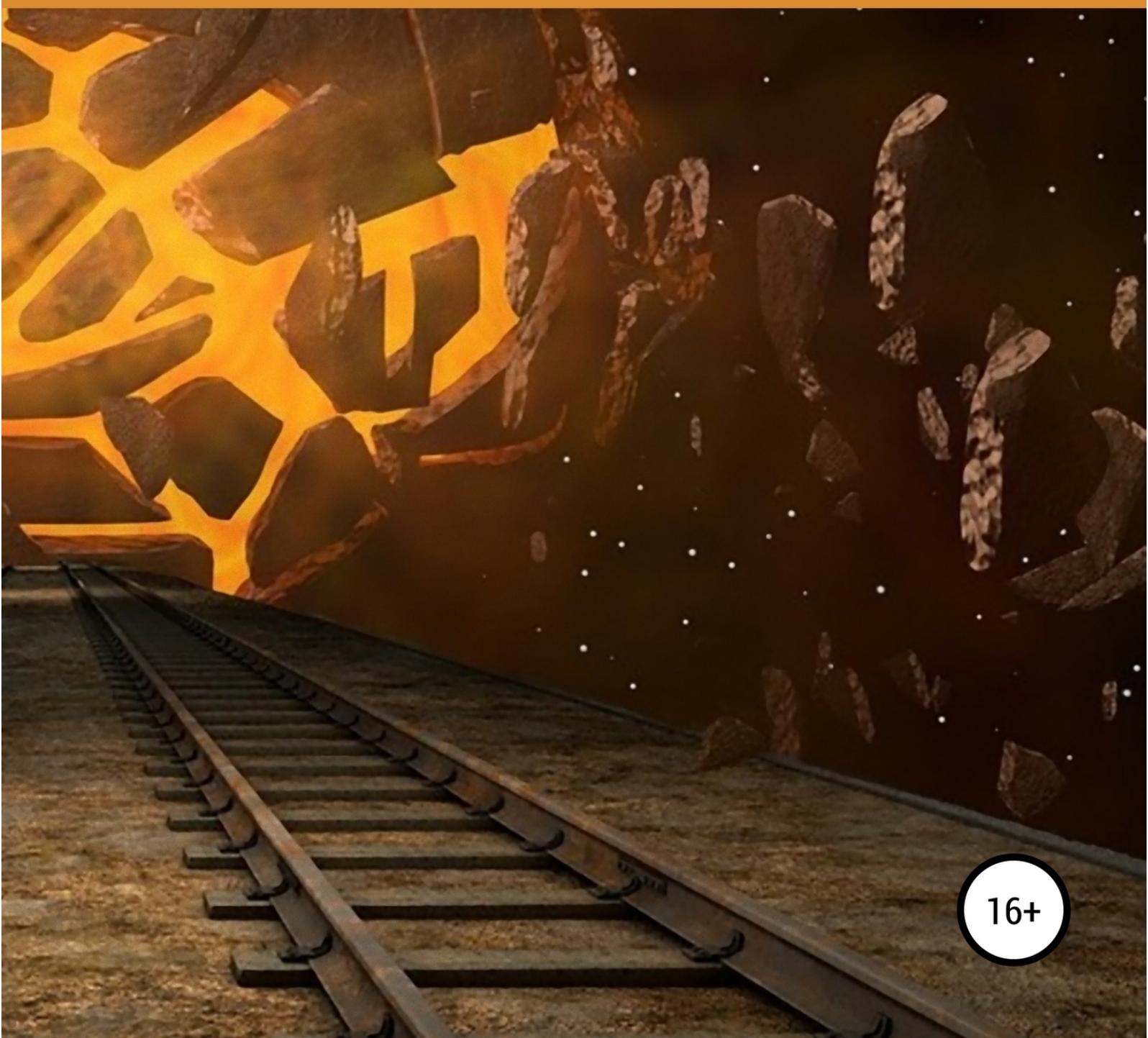

Виктор ДЬЯКОВ

ДОРОГА В НИКУДА
книга вторая

роман

16+

Виктор Дьяков

Дорога в никуда. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Дьяков В. Е.

Дорога в никуда. Книга вторая / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2013

События, описываемые в первой книге романа-дилогии "Дорога в никуда", заканчиваются в 1935 году. Во второй происходит «скачок во времени» и читатель переносится в 1986 год, в начало перестройки. Героями романа становятся потомки героев первой книги и персонажи, к тем событиям отношения не имеющие. Дорога в никуда – это семидесятилетний экспериментальный исторический путь, измучивший весь советский народ. Мучились по воле политических авантюристов, сбивших страну с общечеловеческой «столбовой дороги» на экспериментальный «проселок» в попытке «встать впереди планеты всей», взвалить на нее тяжкое и неблагоприятное бремя лидера человечества.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: РАТНИКОВЫ	10
1	11
2	15
3	19
4	23
5	26
6	30
7	35
8	39
9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

В КОНЦЕ ПУТИ

Хоть убей, следа не видно.

Сбились мы, что делать нам?

В поле бес нас водит, видно,

Да кружит по сторонам.

А. Пушкин

ПРОЛОГ

Кровавые события гражданской войны, и все перипетии 20-х и начала 30-х годов, столь значимые для судеб людских, совершенно не изменили облика Бухтарминского края. Долины Бухтармы и Иртыша по-прежнему давали в избытке зерна, трав, мяса, рыбы, древесины, пушнины, золота, серебра... А вот состав населения изменился очень сильно. В некоторых бывших казачьих поселках, где жители активно противодействовали большевикам в период колчаковщины и во время Большенарымского восстания, население обновилось до восьмидесяти процентов. То, что край с 1923 года стал относиться к автономной Киргизской республике, которую вскоре переименовали в Казахскую, сначала ни в чем не сказывалось. Казахам в усть-каменогорском уезде насчитывалось относительно немного, и никаких более или менее значительных административных постов они не занимали. Не в пример многим прочим губерниям и уездам, коллективизация в Бухтарминском крае в новосельских деревнях, бывших казачьих станицах и поселках прошла сравнительно безболезненно. По всей видимости, сыграла роль дикая жестокость, с которой большевики подавили Большенарымское восстание белоказаков. Время-то прошло не так много, а страх «выветривается» из памяти долго, в течении жизни целого поколения. Отдельные инциденты все же случались, но в целом организация колхозов шла довольно споро. Как-то не восприняли даже крестьяне-новоселы, что власть, которая так щедро всего несколько лет назад передала им столько лучшей казачьей земли, вдруг возьмет, да и всю ее и отберет, в том числе и ту, которой наделил их еще царь. Так вроде бы невзначай и почти без сопротивления крестьяне-новоселы позволили власти, назвавшейся рабоче-крестьянской, лишиться себя самого дорогого, того, за чем пришли сюда, на край света – личной земли. Тем более не посмели сказать что-то против окончательно придавленные, запуганные казаки. В этих условиях даже прошел такой фокус, что во главе первого колхоза в Бухтарме встал бывший батрак казах Танабай...

А вот с коллективизацией в кержацких деревнях возникли немалые сложности. Кержаки, до революции особого внимания и на царскую власть не обращавшие, жившие по своим законам и детей учившие по старозаветным книгам... Староверы-кержаки после отмены продразверстки легко освоились с продналогом и их дворы вновь заполнились скотом, а амбары хлебом, погреба медом и прочими продуктами щедрой горной тайги. В глухих таежных лесах, за высоченными, рубленными из бревен заборами жили кержаки. Каждый двор представлял единый жилой массив из вековых лиственниц, где под одной крышей умещались, и изба, и скотный двор с амбарами и сараями. Они качали мед на горных пасеках, соболевали-охотились за пушным зверем, разводили маралов. Нелегко было разрушать этот устойчивый вековой уклад. Царская власть и не пыталась, а вот советская... Советская не царская, она не стала терпеть, что кто-то, находясь официально под ее юрисдикцией, станет жить по своим законам, не так как она предписывает. Тяжело, с кровью, стонами, слезами, приговорами и выселениями проходила коллективизация в кержацких деревнях. И многие кержаки скребли затылки, дескать, надо бы было Колчаку помочь с этими варнаками справиться, а не на печи сидеть, другие мыслили фаталистически, все что Бог дает, все оно по заслугам.

Несмотря на грызню в Политбюро, ЦК и других высших партийных органах, власть на местах, в стремлении выслужиться, все, иногда противоречащие друг другу, руководящие циркуляры, претворяла в жизнь энергично, иной раз даже, что называется, с перехлестом, с запашком, то есть «перегибая палку»: раскулачивали не только кулаков, но и середняков, ради выполнения плана по коллективизации в колхоз загоняли силком, огульно. То же самое имело место и в борьбе с религией. Начавшаяся еще в 20-х атеистическая компания имела вполне конкретный посыл: усилившиеся в ЦК и Политбюро группировки, где преобладали евреи, испытывали генетическую ненависть к православной церкви. В Усть-Каменогорске и уезде тоже национа-

лизировали и изъяли все церковные ценности, но далее дело тогда не пошло, большинство церквей не закрыли. Видимо, сказалось удаленность от Центра и то, что местные функционеры все-таки оказались, как правило, не еврейского происхождения. И вот, странное дело, уже в 30-е годы, когда проеврейские группировки в руководящих органах партии были уже фактически разгромлены, а их лидеры уничтожены, не в ходе трибунных дискуссий, а просто по уголовному, посажены и перестреляны по сфабрикованным делам... До Верхнеиртышья, наконец, докатились с опозданием ветры, которые в Центре «веяли» еще в 20-х – началось массовое закрытие церквей. В 30-м закрыли обе церкви в Усть-Каменогорске и Собор и Троицкую, а в 1935 Покровский Собор, чей набат доносился за много верст, взорвали. То был отголосок взрыва Храма Христа Спасителя в Москве, когда крутя ручку взрывной машины Лазарь Каганович радостно изрек: «Задерем подол матушке-России!».

Индустриализация добавила новых заводских и фабричных труб, шахтных терриконов возле рудников, которые вместе со старыми коптели синь небесную и серыми конусами извлеченной породы устремлялись ввысь. Но, в общем, по сравнению с такими символами первых советских пятилеток, как Уралмаш, Магнитка... Нет, в Верхнеиртышье подобных гигантов не возводили и край оставался в основном как и прежде аграрным, руднично-старательским медвежьим углом и, казалось, ничто не изменит этого его статуса. Но большевики к концу 30-х годов уже преодолели внутренний разлад – в беспринципной и беспощадной схватке за власть победили наиболее беспощадные и беспринципные. Одним из первых решений-экспериментов, этого теперь единого и всевластного правительства, стало выделение автономного Казахстана из состава России в отдельную союзную республику. И Верхнеиртышью большевики уготовили совсем не праздную будущность. Уникальное сочетание богатых рудных залежей и потенциальных гидроресурсов подвигло их в 1939 году выделить усть-каменогорский и ряд сопредельных горных уездов из состава Семипалатинской области в отдельную Восточно-Казахстанскую, которую еще стали называть и Рудным Алтаем. В том же году с прицелом на будущее началось строительство Усть-Каменогорской ГЭС на Иртыше в районе деревеньки Аблакетка, а поселок горнодобытчиков Риддер переименовали в Лениногорск.

В Великую Отечественную Войну Рудный Алтай стал вспомогательным «хребтом» страны (не оспаривая приоритета Урала на звание «станового»). Не знающая неурожая земля все четыре года спасала эвакуированных и кормила солдат на далекой передовой великой битвы. А свинец, что добывался в здешних рудниках... каждые три девятиграммовые «капли» из пяти, выпущенные красноармейцами в ту войну, сделали из того свинца. Именно с войны начался бурный рост промышленности области и самого областного центра. Если с 19-го по 39-й годы население Усть-Каменогорска практически не выросло, оставаясь на уровне тех же двадцати тысяч жителей, то уже к 1959 оно составило стопятьдесят тысяч! За эти двадцать лет в области-медвежьем углу построили: Усть-Каменогорскую ГЭС, огромный свинцово-цинковый комбинат, НИИ цветных металлов, конденсаторный завод, металлургический завод «Востокмаш», Зыряновский и Лениногорский полиметаллические комбинаты. Здесь, на краю страны под эгидой всесоюзного министерства среднего машиностроения создавался мощный промышленный центр. Продукция Усть-Каменогорска и области, цветные и редкоземельные металлы, предназначались прежде всего для оборонной и космической отраслей – маховик гонки вооружений, подхлестнутый началом «холодной» войны начинал работать на полную мощность.

Конец кофейнообразной долины пришел тогда, когда, казалось, она должна была принести, наконец, живущим здесь людям, уставшим от войн и преобразований, покой и достаток. Ан нет, страна Советов заразилась эпидемией гидростроительства. С людьми не церемонились, а природа чем лучше, и ее, паскуду, посредством большевистской атаки, изменим, преобразим. Мало показалось одной плотины у Аблакетки, маломощной получилась ГЭС, водохранилище в условиях высоких скалистых берегов не могло разлиться и накопить большого объема

воды. Другое дело, если еще одну плотину поставить выше, перегородив Иртыш в узком месте, неподалеку от деревни Пихтовка и чуть выше пристани Серебрянка. Вот там водохранилищу есть где разлиться, ведь рядом Долина. Запрудили Иртыш второй плотиной, разлилось водохранилище и... И почти вся уникальная Долина двух рек, Долина-Кофейник, поймы Иртыша и Бухтармы с плодороднейшими землями с бывшей станицей Усть-Бухтармой, Гусиной пристанью, прилегающими деревнями и поселками, оказались под водой. Над ничейной землей и экспериментировать можно без оглядки, без страха ответственности. Долго плавали по «руководному морю» гробы, всплывшие из затопленных, не перенесенных погостов, как последняя память о погубленной земле.

Многие из местных жителей, чьей родины больше не существовало, не пожелали оставаться жить в построенных по стандарту однотипных сборно-щитовых домах (взамен затопленных рубленых из бревен), во вновь образованных поселках, на каменистой, большей частью малопродуктивной земле на незатопленном участке Долины, у самых гор. Они разбежались кто куда, большинство ехали в Усть-Каменогорск, ибо областной центр рос, строился, требовал много рабочей силы, превращаясь в один из самых красивых и перспективных городов не только в Казахстане, но и во всем Советском Союзе. Остававшиеся шли трудиться на прокладываемую от Усть-Каменогорска до Зырянска, по незатопленному краю Долины, железную дорогу, на возводимые по побережью нового водохранилища небольшие рыбный и судоремонтный заводы, но большинство притягивал цементный завод. То было крупное предприятие, производившее цемент на основе открытых здесь же залежей глины, обладавшей уникальными свойствами. Цемент высших марок шел на строительство шахт для пусковых установок стратегических ракет, ну а цемент более низкого качества на всевозможные гражданские строительные нужды. Все это теперь работало на энергии поднятой плотинной воды.

Оставшихся жителей, оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить потребности вновь построенного цемзавода, где требовалось до трех тысяч рабочих, более мелких предприятий и подсобного совхоза. Невиданное дело, во вновь образованном поселке осталось много свободного жилья, ведь строили на всех усть-бухтарминцев, не рассчитывая на такое количество беглецов. Потому кликнули людей со стороны, суля работу, а главное жилье. Жилья в стране Советов испокон, с самого 17-го года, как оно зародилось, всегда не хватало. Так в Долину, вернее в то, что от нее осталось, вновь поселилось немало количества неместных, пришлых людей. Поселилось и немало казахов. Селились как близлежащие из правобережных селений и стойбищ, из Калбинских долин, так и дальние, степные казахи.

Разрушение уклада вольной жизни кочевников тоже начался с 30-х годов. Хотя еще в 20-х большевики проводили среди степняков определенную «профилактическую» работу, выкорчевывая всех, кто имел отношение к мелкобуржуазной националистической партии «Алаш-орда», которая сформировала даже свой полк в составе анненковской Отдельной Семиреченской Армии. Так вот, запугав, и без того не больно бойких степняков, власть и их стала раскулачивать, реквизировать скот, прикреплять к земле, объединять в колхозы, заставлять одних пахать землю, сеять пшеницу, других приноравливать долбить в шахтах уголь, руду, работать на заводах. Но эти новые для них дела они делали плохо и вынуждены были мириться с ролью «тупого», «тормознутого» народа, которых чему-нибудь выучить так же трудно, как из кривого саксаула сделать прямую доску. Но постепенно со сменой поколений и повышением уровня грамотности росло, так называемое, национальное самосознание степняков. Казахская молодежь уже не хотела мириться с ярлыком второсортного народа, они все более осознавали себя титульной нацией. Но в начале шестидесятых это было еще не очень заметно. Бывшую Долину теперь населяли куда более разношерстные люди, но трений, ни на национальной, ни на социальной почве не возникало. Внуки и правнуки казахов-сибирцев не унаследовали черт своих предков, два столетия являвшихся здесь фактическими хозяевами, или прятали их глубоко, всячески скрывая свое происхождение. Бывшие крестьяне-новоселы, вернее их потомки, они

так и не смогли почувствовать здесь себя полноправными хозяевами, хотя ради этого в года Гражданской войны сочувствовали большевикам и потом всячески их поддерживали. Киргиз-кайсацы, теперь именовавшиеся казахами... ну основная масса степняков никогда не отличалась экстремизмом, а молодая казахская интеллигенция еще не отравила свои националистические зубы.

Когда завершалось строительство Бухтарминского гидроузла и заполнялось водохранилище, над страной, на двадцатикилометровой высоте пролетел супостат-разведчик. Долетел он аж до Урала, но там его достали ракетой. Чтобы и дальше не повадно было, стали повсюду, возле каждого важного стратегического объекта ставить ракетные заставы. Возле плотины появился ГАЗик с пожилым, седым генералом. Генерал ездил по окрестным горам. Артиллерист, полуоглохший на войне, он в новой ракетной технике смыслил мало, но знал, что людям, коих он своим выбором обрекал на службу здесь, нужна вода и место хоть мало-мальски пригодное для жизни. Когда выбирали место для казачьих застав двести лет назад, наверное, думали так же. Если царский генерал определил место для закладки станицы-крепости Усть-Бухтарминской у впадения Бухтармы в Иртыш, то советский генерал нашел место у подножия сопки, где протекала маленькая речушка-ручеек и стояла совхозная молочно-товарная ферма. Произвели отчуждение совхозной земли, ферма стала на время казармой. Построили домики для офицеров, потом для солдат кирпичную казарму, на сопку поставили диковинные фантастического вида антенны локаторов.

Так появилась «точка», одно из подразделений зенитно-ракетного полка, выполнявшего задачу по охране гидроузла, в первую очередь плотины, от возможного удара с воздуха. Такие «точки» окружали плотину со всех сторон, создавая над ней единое радиолокационное поле, для «засечки» и последующего уничтожения самолетов противника, вознамерившихся бомбить плотину.

Ракетные заставы-дивизионы заступили на боевое дежурство в начале 60-х. А в области тем временем продолжалось бурное строительство. Пускали новые заводы, закладывали рудники. Если раньше, в основном, добывали медь и свинец, ну и, конечно, золото с серебром, то сейчас к ним добавились титан, магний, бериллий... Ну, и как следствие в середине 60-х в Усть-Каменогорске заработал титано-магниевый комбинат. Таким образом, ударно трудясь, область полным ходом двигалась к «коммунизму», пока не наступила «Перестройка»...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: РАТНИКОВЫ

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем,
А как лютые враги,
К нам придут на пироги,
Зададим мы им пирушку,
Зарядим картечью пушку.
А. Пушкин

1

Вечер второго декабря 1986 года, горная дорога. Фары тускло высвечивали пересекающие дорогу снежные струи. Местами, где вместо кюветов с подветренной стороны возникало препятствие, скала или бугор, снег не струился, а накапливался, образуя пока еще небольшие сугробы, обещающие к утру превратиться в настоящие заносы. Лента шоссе, как и всякая горная дорога, не терпела длительного горизонтального положения, взмывая то вверх, то падая вниз с различной крутизной, поворачивая то вправо, то влево, со столь же разнообразной кривизной, рисуя замысловатые серпантины со звучными именами: «тёщин язык», «адова петля» и тому подобные. Видавший виды темно зеленый военный грузовик ЗИЛ-157, силясь, преодолел эту кошмарную дорогу. Автомобиль резко замедлил ход перед очередным подъемом: в его организме, конкретно в коробке передач, что-то функционировало ненормально, потому водитель переключал передачи тяжело, со скрежетом, многократно перегазовывая. В кабине грузовика, благодаря подсветке щитовых приборов и рано наступивших, из-за низких снеговых туч, сумерек, царил полумрак. На сиденье теснилось трое, напряженный плечистый подполковник, постоянно всматривавшийся в дорогу, привалившийся к нему дремлющей головой капитан, и поминутно шмыгающий носом водитель, солдат-первогодок, в замасленном бушлате. Острое, словно обломок сухой сосны, колено капитана мешало водителю, касаясь рычага переключения передач.

– Николаич?! – с силой толкнул подполковник капитана, но в ответ услышал лишь сонное мычание.

«Ишь, дрыхнет и горя мало. Надо же умудриться спать в таком неудобстве и колодыге», – неприязненно подумал подполковник и, плотнее запахивая полы шинели, пошевелил застывшими пальцами в юфтевых сапогах – противный холодящий ветер, проникая во все щели, немилосердно выстуживал кабину, несмотря на нудное гудение печки-обогревателя.

– Полегче, не газуй, переключайся заранее, а не перед самым подъемом! Сколько можно повторять! – тон подполковника выдавал его явное неудовольствие.

В ответ водитель недружелюбно покосился на колено капитана.

– Николаич! – на этот раз толчок внушительного подполковничьего кулака под ребра возымел действие – капитан очнулся.– Подберись, чего ноги расставил!– осуждающе выговаривал подполковник.

Капитан зевнул, потер глаза и подполковник, предвидя его желание досмотреть сон, вновь повысил голос:

– Кончай спать, не видишь, что на дороге твориться, а тут еще ты водителю мешаешь! Дома выпишься, если целыми доедем.

– Где мы? – капитан, подбирая ноги, невозможно поднес озябшие руки к чуть теплой струе воздуха, сочащейся из под ребер печки.

– Александровку проезжаем, сейчас на перевал полезем, – буркнул в ответ подполковник.

Слева в свете фар мелькнул памятник расстрелянным в 19-м году коммунарам. Машина, устало урча, пошла вверх по затяжному склону. Внизу осталось зловещее Александровское ущелье с маленькой речушкой и небольшой деревенькой, в которой не светило ни единого огонька – видимо как всегда при сильных ветрах оборвало линию электропередачи и селение, находящаяся всего в трех километрах от мощной ГЭС, осталась без света. Вершина перевала. Отсюда открывалась картина, притягивающая даже много раз ее видевший глаз. Между двумя кряжеобразными сопками отчетливо вырисовывалось, освещенное многочисленными мощными прожекторами тело плотины, темное, расширяющееся книзу, кажущееся толстым, коротким, нисколько не напоминающее классический архитектурный образ плотины Днепро-

геса. Гигантские «ступени» шлюзовых камер были затенены. От обоих концов плотины, карабкались по склонам сопков, а в дальнейшем предпочитая распадки, в разные стороны отходили опоры высоковольтных ЛЭП, обремененные грузом проводов...

Подполковник глянул на светящийся фосфором циферблат своих «командирских». «Седьмой час, по декабрьским понятиям почти ночь», – подумал подполковник

– Да Федор Петрович, не будь этой «дуры», не служили бы в этой «дыре», – скаламбурил капитан, кивая в сторону плотины.

Подполковник промолчал, он глядел на хорошо знакомую ему картину и ничего не слышал, он «отключился» и мысленно «беседовал» сам с собой: «Уже двадцать лет как я здесь. Господи, если бы тогда в 66-м году сказали, что вы, лейтенант Ратников, прослужите здесь, проживете в этих горах без «выдерга» два десятилетия... Нет, не поверил бы, ни за что, это же повеситься можно... А все-таки, чертовски красиво». Река-водохранилище, словно бутылка расширялась от «горлышка» заткнутого пробкой-плотиной сначала понемногу. Но дальше, когда горы все больше расступались «бутылка» расширялась резко в обе стороны. Лед только встал, следов на нем не видно – рыбаки пока еще не рискуют выходить пытаться счастья. Подполковник в последний раз окинул взглядом плотину, водохранилище, ровной белой скатертью уходящее к горизонту, где оно сливалось с беззвездной тьмой неба – машина юркнула на снижение. Водитель перевел рычаг на «нейтраль», и ЗИЛ свободно покатился под уклон. Не давая автомобилю разогнаться, водитель притормаживал. Услышав характерный визг тормозных колодок, Ратников вновь забеспокоился: «Только бы тормоза не отказали», и тут же командовал:

– На передаче спускайся... мать твою!!

Водитель судорожно задергал рычаг, а подполковник невольно вспомнил то жуткое чувство почти «свободного полета», когда на этой же колыхаге в позапрошлом году тормоза, на примерно таком же спуске, отказали. Водитель, наконец, «воткнул третью».

– Помнишь Николаич, я тебе рассказывал, как вот также без тормозов летели? – внешне бесстрастно обратился подполковник к капитану.

Тот понимающе кивнул и тоже настороженно стал прислушиваться к тормозам, а подполковник продолжал:

– Тишина, понимаешь, полная, двигатель заглох, только рессоры скрипят, да консервы, что в кузове везли, эдак позвякивают. А в остальном, никаких ощущений земной жизни, почти невесомость космическая. Если бы хоть одна встречная машина попалась, все, амбец, либо столкнулись, либо в обрыв улетели. Потом еще на ровном месте с километр катились, пока он вот также передачу не воткнул. Тогда, правда, водитель опытный был. Гурко, помнишь, прошлой осенью уволился?

– В рубашке вы родились, Федор Петрович, – заулыбался капитан.

– Всякий раз на везение рассчитывать... это знаешь. Эх, доездимся как-нибудь. Устал я уже с полковой автослужбой биться. Машина все межремонтные сроки выходила, а им все нипочем. А нам что остается? Ко всему можно привыкнуть, даже долго грозящая опасность со временем таковой уже не кажется...

Подполковник показной бодростью пытался отогнать невеселые мысли, источником коих являлась вовсе не машина, а закончившееся два часа назад полковое совещание, с которого и ехали в свое подразделение командир отдельного зенитно-ракетного дивизиона подполковник Ратников и его замполит капитан Пырков. Поблудив в сознании, Ратников вновь замкнулся на злополучном совещании.

На днях ждали приезда нового командира корпуса. Он впервые объезжал вверенные ему части. На совещании решали, куда везти нового комкора сначала, чью голову (то есть подразделение) подставить первой. Страсти накалились, никто толком не знал этого «нового», только ходили слухи, что он очень молод для генерал-лейтенантской должности, и естественно,

с сумасшедшими связями. Понятно, что никто не ведал, на что он станет обращать внимание в первую очередь: боеготовность, внешний марафет, или предпочтет хорошо накрытый стол. Добровольцев не нашлось, все командиры отдельных дивизионов – «точек» высказывали свои аргументы, чтобы оттянуть визит комкора в их подразделения. У одного казарма в плачевном состоянии, подлатать надо, у другого с техникой неладит, у третьего все снегом заметено, не проехать. Они, коллеги Ратникова, в основном еще молоды, в званиях майоров и капитанов, но имеют перед ним одно бесспорное преимущество – у них есть надежда... Надежда, что у них все еще впереди, академии, звания, должности, служба в больших городах, или цветущих благоустроенных краях. Их цель ясна – выиграть хотя бы день, подготовиться как можно лучше, показать «товар лицом», вернее наиболее симпатичную часть того «лица», скрыв худшую, произвести впечатление на новое командование, которое молодо и «двигать», наверняка, тоже будет молодых. Очень часто разгон офицерской карьеры напрямую зависит от первого произведенного на большого начальника впечатления. А им, 28-и – 30-ти летним, очень нужен этот разгон, это возраст, когда офицеру, если он еще не успел крепко «споткнуться», и смог выйти на определенный «оперативный простор», его курсантско-лейтенантские мечты о генеральских лампадах из грез обретают черты вроде бы достигаемой реальности.

Ратников, самый старый командир дивизиона в полку, в полной мере познал цену показного уважения к себе полкового начальства, использующего его опыт для выхода из ситуаций подобных нынешней. Его молодые коллеги относились к нему примерно так же, внешне с уважением, но не у всех доставало ума и такта скрывать чувство превосходства перед неудачником-старпером. Уже в начале совещания подполковник уяснил – командира корпуса повезут к первому именно к нему. Ему ведь нечего терять и не к чему стремиться, да и подразделение у него, если судить без авансов и скидок на молодость других командиров дивизионов, пожалуй, лучшее в полку. Ратников не стал спорить, подавив вспыхнувший в нем протест: нашли «мальчика для битья». Ему действительно по большому счету было все равно. Той «нити жизни», которой он следовал, уже виден конец, ибо к концу шла его офицерская служба. А ведь когда-то и он носил в «ранце жезл», но... Он не хотел ворошить много раз «перелопаченные» воспоминания, но заметно выровнявшаяся дорога способствовала ослаблению внутреннего напряжения и безрадостные мысли, спутники плохого настроения, овладели сознанием. «Почему все так сложилось? Почему некоторые его однокашники по училищу, не блиставшие в учебе, сейчас командуют полками, бригадами? Почему его ровесники и даже более молодые, поступили и позаканчивали уже академии, хоть служили не лучше, а то и хуже? Почему, наконец, на днях к нему в дивизион придет 35-ти летний полковник, без пяти минут генерал, и будет, возможно, распекать его, заслуженного 40-ка летнего подполковника». И раньше и сейчас, ссутулившись в тесноте кабины, Ратников не находил однозначного ответа.

Тряхнув головой, подполковник попытался отогнать навязчивые думы. Машина, наконец, из горного распадка вырвалась на узкую полосу равнины. Слева, возле самых гор из двух длинных труб исторгал стелющийся дым цемзавод. Обычно дым заводских труб, после прохождения через систему фильтрации, имел светло серый оттенок. Но в конце каждого квартала фильтры на неделю по ночам втихаря отключали, и резко увеличивающаяся тяга в печах помогала «вытягивать» план. Правда, без фильтрации в трубы вылетали тонны всевозможной кремниевой и углекислотной дряни, сопутствующей цементному производству, которая оседала на всем окружающем пространстве, зимой буквально отравляя снег, летом траву, забивая легкие людей и животных, воздействуя на кожу и слизистую оболочку глаз, плодя легочных и прочих больных. Впрочем, фильтры тоже никак не гарантировали безопасность выбросов, ибо улавливали не такой уж большой процент цементной пыли и вредных газов, но производство существенно тормозили. Об отключении фильтров свидетельствовало изменение цвета дыма, он сильно темнел. «Годовой план, надо думать, совсем плох, если они за месяц до Нового года и

с шести вечера фильтры поотключали», – сообразил Ратников, глядя на мрачный темно-серый дым, валивший из заводских труб.

Справа, на берегу водохранилища сверкал огнями рабочий поселок «Новая Бухтарма», большую часть жителей которого составляли рабочие цементного завода. За двадцать с лишним лет существования поселка, там выросло поколение, жизнью которого стал цемзавод и все что с ним связано. То были люди в большинстве своем уже к 35-ти – 40 годам приобретающие специфические болезни, источником которых служили условия труда на заводе и ужасная экологическая обстановка. Как ни странно, вспомнив про больных, коих в поселке насчитывалось немало, их ввалившиеся щеки, впалые грудные клетки, подполковник обрел нечто вроде душевного равновесия. Что такое чины, должности – главное здоровье.

Участок, где стоял завод и располагался поселок, был самым большим куском суши оставшейся от Долины, до двух километров в поперечнике. В прочих местах между водой и горами на правом берегу оставалось местами не более ста метров, а на левом вода почти везде вплотную подступила к горам. За поселком водохранилище быстро приблизилось к шоссе. Потом дорога огибала, обнесенный высоким бетонным забором, рыб-завод. Из-за забора виднелись крыши цехов, а в открытую дверь проходной просматривались вмерзшие в лед у заводского причала небольшие рыболовные суда. За заводом дорога вновь резко сворачивала в горы.

– Возле проходной тормозни, – приказал водителю подполковник.

2

Ратников увидел свет в окнах директорского кабинета, расположенного на втором этаже, в здании управления завода. В связи с этим ему пришла мысль разжиться копченой рыбой. Мало ли что, вдруг молодой комкор отобедать пожелают, вот тут-то и пригодятся дары «руководного моря». Ведь совсем недавно, в брежневские времена, очень часто ключевым моментом при встрече любого начальства становилось именно угощение со всеми попутными мероприятиями. С прежним директором рыбзавода Василием Степановичем Зелениным, ушедшим прошлым летом на пенсию, Ратников на протяжении многих лет поддерживал тесные, дружеские отношения. Он выручал директора в путину, выделял солдат, когда не хватало рабочих рук, когда осевшие от рыбного груза сейнеры непрерывно выгружали сорошку, леща, судака, и прочие непривередливые виды рыб, пришедшие на смену осетровым, лишившимся из-за стометровой плотины пути на нерестилища, то есть переставшим размножаться... Василий Степанович не оставался в долгу: свежая, копченая и свежемороженая рыба частенько появлялась сверх солдатского рациона в дивизионной столовой и на столах в домах офицеров.

Именно давняя дружба подполковника с пожилым директором не раз подвигала последнего на довольно откровенные признания. Так после смерти Андропова, когда в воздухе явно обозначились всевозможные послабления и пересмотр некоторых ранее незыблемых исторических истин, касавшихся гражданской войны в этих местах... Так вот, как-то встретившись старые друзья заперлись в директорском кабинете, выпили, и Василий Степанович, с годами ставший слабым на воздействие алкоголя, вдруг всплакнул и, размазывая рукавом слезы по морщинистому лицу, дрогнувшим голосом заявил:

– А у меня ведь Федя, родственница здесь объявилась... сестра двоюродная. И ведь столько лет уже рядом живем, а ничего друг о друге и не знали.

– Да, что ты говоришь, Степаныч? Постой, ты же говорил, что без отца рос, мать тебя одна растила и родни никакой. Откуда сестра-то взялась? – удивился такому признанию Ратников.

– Говорить-то я говорил, и тебе, и всем, даже жене, ее родне, своим детям... что отца не знаю, не помню, а ведь точно знаю, кто он у меня. А признаться не мог никому, боялся... так вот. Но, нельзя же всю жизнь вот так, когда то надо и правду сказать, а то может умирать скоро, а я всю жизнь с этой тайной своей...

– Постой, Степаныч, ты же с двадцать первого года рождения. Так ты что же хочешь сказать, что отец у тебя, того, не советский, – высказал очевидную догадку Ратников. – Ну, так про то уже можно без боязни говорить. Некоторые даже наоборот, гордятся. Вон у меня лейтенант один из училища пришел, Малышев, так он деда своего белогвардейца совсем не стесняется, даже наоборот.

– Да нет Федя, у меня-то папаша не совсем тот белый, которым похвалиться можно. Про сотника Степана Решетникова слышал?

– Нет, не слышал. А кто он такой был?

– Ну, ты даешь. Сколько лет тут живешь, а историю нашего края изучить так и не удосужился. В штаб свой в Серебрянске каждый раз мимо памятника коммунарам расстрелянным ездил?

– Ну, езжу, так что? – не понял, к чему клонит собеседник Ратников.

– Так вот, расстрел тех коммунаров, отец мой, сотник Степан Игнатьич Решетников организовал... Понял?

– Понял... – Ратников воззрился на Василия Степановича уже с неподдельным удивлением, и до него стали постепенно доходить все сопутствующее услышанному. – И как же Сте-

паньч... ты тут с этим жил. Да это же... как же тебе удалось-то все анкеты, КГБ и прочее, райкомы и обкомы обойти и директором стать?

– А вот так Федя. Сам удивляюсь, что никто не дознался, от кого я у матери тогда родился. Да она и сама молчала. Только в 62-м году, незадолго до смерти все мне рассказала. Она же работницей, в прислугах в доме у Решетниковых была. Отца очень любила, а он на нее ноль внимания. Воевал все время, то на империалистической, то на гражданской у Анненкова. А тут брат его младший, молодой офицер, на атаманской дочке женился. А та барышня, в станичной школе учительствовала и к домашней работе не привычна, зато приданного много принесла. Вот мать мою и наняли в работницы, чтобы эту невесту по хозяйству не неволить. А как отец в последний-то раз, где-то в начале 20-го года тайком приехал... тогда же не как сейчас, тут станица была и крепость, которые сейчас затопленные. Ну, вот он приезжал, чтобы восстание поднимать против большевиков... тут у них с матерью и случилось. Так уж она его любила, что на все готова была, не венчанная с ним. Потом он в горы ушел и летом 20-го года стал одним их руководителей Большенарымского восстания. Знаменитого Никиту Тимофеева, командира Красных горных орлов с его отрядом он здесь неподалеку в дрызг разбил. Потом восстание подавили и отца раненого взяли в плен. Я в начале 21-го родился, а его где-то через два-три месяца расстреляли. Мать сумела скрыть свою связь с отцом, а так как батрачкой в его доме была, то и никаким преследованиям со стороны советской власти не подвергалась. И я тоже себя стопроцентным советским человеком всегда осознавал, до того самого 62-го года, когда уже Усть-Бухтарма на дне водохранилища оказалась, а мы в Новой Бухтарме жили, – Василий Степанович разлил по стаканам остатки водки.

– А мать, значит, не побоялась тебе отчество-то отцово дать? – заинтересовавшийся Ратников уже не смотрел на свой стакан.

– Не побоялась. Да и как тут догадаешься, мало ли Степанов на свете. А вот фамилию побоялась, свою дала, – директор одним махом опрокинул содержимое стакана в себя.

– Постой, а откуда тогда сестра-то, и кто она? – Ратников не спеша сглотнул водку и начал разламывать кусок копченой сорошки.

– Да ты ее знаешь, Федь... Ольгу Ивановну Байкову.

– То есть как? Ты имеешь в виду учительницу поселковой школы, Ольгу Ивановну? – изумленно вопрошал Ратников. – Что-то не возьму в толк, с чего ты решил, что она сестра твоя?

– Да я бы и сам не взял в толк, если бы она не захотела вернуть себе девичью фамилию. Помнишь, тот громкий скандал, когда она на банкете Танабаева мордой в корыто с помоями ткнула? Сразу после того она и захотела себе девичью фамилию-то вернуть. А она у нее оказалась Решетникова. Представляешь, так и заявила, я Ольга Ивановна Решетникова, мой дед здесь станичным атаманом был, мать в станичной школе преподавала, отец у Анненкова до есаула дослужился, полком командовал, а дядя и того хлеще, расстрелял коммунаров.

– Вот это да! И когда ж это она все заявила? – изумленно качал головой Ратников.

– Да недавно. Как пошла в Поссовет, фамилию восстанавливать. Конечно, с ее стороны, наверное, имела места своего рода демонстрация. Тоже ведь всю жизнь хоронилась, а тут провало. И мне, представляешь, так стыдно стало, я мужик побоялся, а она баба, не побоялась. Пошел я к ней. Так и так, говорю, родственник ваш. Она мне, конечно, не верит. А чем я подтвердить могу, только фотокарточку предъявил, где отец при погонах с шашкой сфотографирован. Это все что у матери от отца-то осталось. Она ее прятала и мне прятать наказала, как помирала. Ольга-то посмотрела на карточку, да, говорит, это дядя Степан, я его по нашим семейным альбомам помню.

– Ну и как, после этого поверила?

– Не сразу...

Тогда Ратников так и не понял, зачем одинокой пятидесятилетней женщине, понадобилась вся эта шумиха, ворошение прошлого. Не совсем он осознавал и чувства Василия Степановича, который до сорока лет прожил стопроцентным советским человеком, потом просвещенный сходящей в могилу матерью, что он не совсем советский, и вот на старости узнавший, что у него тут рядом живет его двоюродная сестра. Так или иначе, но возможно, для Василия Степановича его «выход из подполья» обернулся тем, что его довольно быстро спровадили на пенсию. Впрочем, может быть, что просто так совпало – ведь старому директору шел уже 65-й год и он «перехаживал» пенсионный возраст.

В начале этого года Василия Степановича неожиданно для всех сменил не зав. производством, его старик готовил на свое место, и которого тоже хорошо знал Ратников, а молодой нацкадр, присланный республиканским министерством рыбного хозяйства. Ратников не спешил с ним знакомиться, ожидая, что тот, будучи более молодым, и имея нужду в дешевой рабсиле, сам нанесет «визит вежливости» командиру близлежащей воинской части. Но директор все не ехал и сейчас подполковник, пересилив себя, решил-таки «бросить пробный шар». Он растолкал, вновь было закемарившего, замполита и предложил зайти на рыбзавод. Пырков, позевывая, согласился.

Пожилой вахтер, приземистый, грузный, заросший седоватой щетиной, встретил офицеров, своих старых знакомых, радушно:

– Какие гости к нам, Федор Петрович... и комиссар с вами! Что-то вы совсем к нам дорогу забыли.

– Недосуг Никодимыч. Даже вон к Василию Степановичу некогда заскочить, проведать, дела, текучка. Кстати, что там с ним, говорят, заболел?

– Да, болеет, года-то не маленькие, – вахтер грустно вздохнул. – Вроде такой человек, чуть не двадцать лет здесь заводом рулил, сколько тут дел наворочал, понастроил, а сейчас вон, никому не нужен... Вы то что, к директору?

– Да. Он у себя? – осведомился Ратников.

– У себя. Целыми днями сидит как сыч в кабинете. После Василия Степановича тут у нас совсем туго стало, – лицо вахтера обострилось в злобной гримасе.

– Что, лютый такой? – усмехнулся Ратников.

– Не то, Петрович. Слышал, небось, своих на завод устраивает, да на самые «теплые» места. Уж на что я сейчас тут пешка, и то боюсь, выживет на старости лет, не даст до пенсии спокойно доработать. Все калбиты, как только он приехал, все норовят к нему устроиться. Мужики, которые на заводе с самого его основания сильно им недовольны, да и мастера, и начальники цехов. Как пришел, здесь все наперекосяк пошло. План годовой, считай, уже завалили, – с мстительными нотками рассуждал вахтер.

– Плохо дело. Может и ходить не стоит? – засомневался Ратников.

– А тебе-то чего пужаться. Зайди, приструни его, при форме как-никак. Оне ее форму-то еще побаиваются. Вот вдвоем с комиссаром и скажите ему, какой тут при Василии Степановиче порядок заведен был, чтобы не фордыбачил и старых работников уважал, калбит хренов, – лицо вахтера вновь исказилось гримасой крайней неприязни.

– Да что моя форма. Я ж просить иду, – пояснил Ратников причину своего визита.

– А что, рыба нужна? – с явной заинтересованностью спросил вахтер.

– Само-собой. А есть?

– Есть, когда ее не было. Свежей, конечно, нет, а копченая найдется. Зайдите, может даст, – обнадежил вахтер.

Ратников колебался. Он кое что слышал о новом директоре. Тот был выходец с юга Казахстана, внешне казался высокомерным. Сам собой в сознании подполковника нарисовался

портрет по подобию тех представителей казахской национальной интеллигенции, что пытались придать пробуждающемуся чувству национального самосознания агрессивный характер, поселять нетерпимость и ненависть к русским в среде в общем-то терпимого и скромного степного народа.

Целиком погруженный в службу, Ратников вникал в вопросы межнациональных отношений только, так сказать, в прикладном порядке, связанные с состоянием воинской дисциплины в его подразделении. А в частях несущих боевое дежурство до сравнительно недавнего времени личный состав был достаточно однороден: русские и украинцы составляли подавляющее большинство. Но лет, эдак, пять назад, будучи в командировке в Алма-Ате, Ратников, тогда еще майор, поселился в четырехместном гостиничном номере с тремя директорами школ, двумя казахами и одним немцем (в Казахстане проживало довольно много немцев выселенных в Отечественную войну с Украины и Поволжья). Директора приехали из глубинки на свое совещание. Как-то уже поздней ночью, Ратников, привыкший спать чутко, в ожидании тревог, проснулся от приглушенного, вполголоса разговора своих соседей. Говорили по-русски, так как, видимо, немец не знал казахского. Директора-казахи пытались в чем-то убедить директора-немца. Притворившись по-прежнему спящим, Ратников прислушался и понял, что речь идет о художественной литературе. Они говорили об известных писателях и вешали на них «ценники» по своему усмотрению. Немец не возражал и не поддерживал, он в основном слушал. Даже поверхностно знакомому с темой разговора Ратникову стало не по себе, когда, видимо, подвыпившие самородные критики сравнивали Пушкина с Абаем, а Толстого с Мусреповым. Причем в обоих случаях собеседники (кроме немца) приходили к однозначному выводу, что мастерство и талант их земляков заметно выше. Затем они сформулировали еще один вывод, что только колониальная зависимость от России, как до, так и после революции, не позволили этим казахским гениям стать столь же знаменитыми во всем мире. Ратников хоть и происходил из деревни, но за годы учебы в военном училище и после, благодаря регулярному чтению журнала «Юность», стал, как ему казалось, неплохо разбираться в современной литературе, но что касалось старой классической литературы, о которой и шла речь... Полусонное состояние и полное незнание творчества упомянутых казахских авторов, и довольно смутное, ограниченное рамками полузабытой школьной программы, своих гениев, удержало Ратникова от вмешательства в ту дискуссию. Но до него дошло – эти педагоги не сами додумались до такого рода сравнений, это им внушили, или к тому подвели на совещании какие-то весьма авторитетные лица, не сомневаясь, что слушатели доведут услышанное до своих коллег и учеников. С той поры Ратников с предубеждением относился к казахам-интеллигентам. Серьезнее к межнациональным отношениям заставил отнестись и возросшая «пестрота» национальностей в казарме, все чаще на этой почве возникали проблемы.

Идти на поклон не хотелось, но замполит уже проследовал через проходную и Ратников почти по инерции двинулся следом.

– Петрович?! – уже на территории завода догнал офицеров вахтер. – Если не договориться, не даст, у меня с десятков хвостов найдется, поделюсь.

Подполковник благодарно кивнул в ответ.

3

В небольшом кабинете за столом сидел среднего роста щуплый человек лет 28-30-ти. Красноватые воспаленные глаза устало и отчужденно взирали на вошедших из-за стекол очков в дешёвой «школьной» оправе, отчего узкий разрез глаз директора казался еще уже. Ратникова сразу же внутренне возмутило то, что новый хозяин кабинета, в который он столько лет, что называется «открывал дверь ногой», не предложил им сесть, а молча разглядывал, как инопланетян. В сознании подполковника сразу возникла ассоциация: «чертов чабанский сын, специально выдерживает нас на ногах, кайфует, дескать, мои предки перед каждым казаком, не говоря уж об офицерах, трепетали, а тут передо мной целый подполковник навтыжку стоит». Ратников без приглашения, с силой выдернул из под стола ближайший к нему стул, и с незаисчислимым видом уселся. Пырков остался стоять, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

– Я вас слушаю? – с нескрываемой досадой произнес, наконец, директор и откинулся на спинку стула.

Поздние гости ему явно помешали. На столе лежали листы исписанной бумаги и включенная электронно-счетная машина. Конец года заставлял сидеть на работе допоздна, с головой окунувшись в тонны, проценты, рубли... В тоне, котором был задан вопрос, Ратников тоже уловил полное пренебрежение к своей персоне. Злоба медленно подступала откуда-то снизу к горлу. Замполит, хорошо знавший своего командира, попытался взять инициативу на себя:

– Мы из близлежащей воинской части, соседи ваши. Товарищ подполковник командир, а я замполит. С прежним директором мы хорошо дружили и помогали друг другу. Надеемся эти отношения продолжить... вот. Нам бы рыбки копченой с ящичек, – просящее подвел итог своим словам Пырков.

Директора просьба ничуть не удивила. За тот непродолжительный срок, что руководил заводом, он уже выслушал подобных просьб без счета, от людей разного ранга и положения. В условиях острого продовольственного дефицита, который царил в первую очередь в советской провинции с конца 70-х годов, всем от него требовалось одно и то же – рыба. Голова шла кругом, концы с концами не сходились, годовой план «горел». Едва ли не все кругом, его заместители, начальники цехов и даже рабочие с интересом сторонних наблюдателей заключивших пари, ждали, когда он оступится, свернет себе шею на этом директорстве. В стремлении укрепить свое положение, он принял на работу несколько казахов, по рекомендации директора базирующегося в Новой Бухтарме совхоза Танабаева. Танабаев сразу предложил союз по национальному признаку, ибо несмотря на то, что являлся местным уроженцем и потомственным советским руководителем, в среде местных начальников его никогда за равного не держали. Увы, помощь Танабаева вышла боком. Бывшие работники совхоза, скотоводы, оказались совершенно непригодны к монотонной и грязной работе в цехах разделки и засолки рыбы, не выдерживали непривычной и вредной для здоровья атмосферы коптильного производства. К тому же они в отличие от старых опытных рабочих не умели незаметно воровать рыбу. Они ее просто перебрасывали через забор родственникам и не раз за этим ловились охраной. Конечно, опорой ему они в ближайшее время стать никак не могли, а только вызывали пересуды и озлобление заводских старожилов.

– Нет у меня рыбы, товарищи. План годовой не выполняем, ни одного ящика, к сожалению, продать не могу, – директор беспомощно развел руками.

Он действительно не мог дать рыбы, после того как отказывал всем, включая даже родственников, которые буквально забрасывали его телеграммами, уверенные, что он вышел в большие начальники, сел на «хлебное» место и теперь весь свой род завалит даровой рыбой.

– Может как-нибудь... – снова начал было просить замполит, но энергично поднявшийся со стула Ратников его резко перебил.

– Пойдем отсюда. Здесь все ясно!

Презрительно сощуривав глаза, подполковник вышел, пробыв в кабинете не более трех-четырёх минут, не попрощавшись. В полутьме заводского двора его догнал Пырков.

– Ну, что же вы!? Надо было немного с ним поговорить, наладить отношения, тогда, может быть, он и дал бы, – разочарованно говорил замполит

– А ну его к ...! Молокосос, сука! Он же ждал, чтобы я перед ним как собака на задних лапах запрыгал. Перебьемся и без его рыбы. Подождем до весны, когда лов начнется. Посмотрим, как он запоет.

Запыхавшийся вахтер с кошелкой, из которой торчали рыбы хвосты, догнал их уже у самой машины:

– Что так разбежались-то... не дал?

– Идет он ... твой директор! – зло выматерился Ратников.

– Он такой же мой, как и твой. Я ж предупреждал. Значит, так ни одного хвоста и не дал? – удовлетворенно не то спросил, не то констатировал факт вахтер.

– Не дал... сука! – раздраженно подтвердил Ратников.

– На, вот, здесь с десяток, – вахтер с готовностью протянул кошелку.

– Спасибо Никодимыч. Сколько я тебе должен?

– Обижает. Летом косить буду в ваших местах. Поди, не шуганешь, по дружбе...а? – вахтер хитро рассмеялся, явно довольный исходом дела.

– Конечно, приезжай, только предупреди загодя...

– Ящик рыбы пожалел, план не выполняет... А ведь тащат у него из-под носа, почему зря. Эта вот рыба, наверняка ворованная, – подполковник презрительно покосился на подарок Никодимыча. Лучше бы пропускной режим наладил... хозяин, мать его... – даже отъехав от завода, Ратников не мог успокоиться.

– И все-таки, надо бы с ним повежливее, еще пригодится, – по-прежнему осуждал несдержанность командира Пырков.

– Еще не известно кто кому больше нужен, и ниже кланяться должен, – выразил свое мнение Ратников.

Дорога, свернув от водохранилища, шла на подъем в невысокие предгорья. Пыркова опять укачало, но Ратников уже не обращал на него внимания. Горы стали положе, дорога теперь повернула от разлившегося водохранилищем Иртыша и шла параллельно тоже разлившейся Бухтармы в сторону поселка Коммунарский, где на землях, некогда принадлежавших Кабинету Его Императорского Величества, а в 18-м году образовали свою коммуну рабочие питерского обуховского завода, сейчас размещался совхоз с символическим названием.

Обычно Ратников долго помнил зло, но если его первопричиной явилось недоразумение, здравый смысл рано или поздно торжествовал в сознании Федора Петровича. На этот раз он «остыл» довольно быстро. Не успел замполит погрузиться в очередной сон, а автомобиль миновать освещенный многочисленными фонарями гигантский глиняный карьер, из которого черпали основное сырье для цемзавода... В общем, подполковник уже жалел о случившемся на рыбзаводе, недобро поминая вахтера: «Справоцировал старый хрыч. Десять рыбин дал, а сено возами переть будет, вон у него хозяйство-то какое. И с директором из-за него конфуз получился, обидел ни за что. Может он и мужик-то неплохой». Подполковник раздраженно пнул ногой мешавшую ему кошелку.

Ратников не чувствовал тяжести вновь привалившегося к нему замполита – его опять затягивала трясина воспоминаний. Вспомнил как тяжело переживал ту первую свою крупную служебную неудачу, десять лет назад, во время стрельб на полигоне, когда ракета выпущен-

ная его дивизионом прошла мимо учебной мишени. В тот раз стрельбу «завалил» весь полк. Ратникова наказали негласно, не отразив наказания в послужном списке, но большее ударить можно было, разве что судом офицерской чести. Ему отказали в праве поступать в академию. Но почему командир другого дивизиона, у которого ракета вообще не сошла с пусковой, этого права не лишился, благополучно поступил, окончил и уже который год бригадой командует? Тогда Ратников не вдавался в подробности – его наказали за дело. Три года спустя, он опять пытался ухватить «жар-птицу» за хвост, поступал уже на заочное отделение (на очное вышли года). На этот раз стрельба прошла успешно, и дивизион занял первое место в полку по итогам соц-соревнования. И вступительные экзамены он сдал... но не прошел по конкурсу «личных дел», придрались к задержанному на девять месяцев майорскому званию. И опять некоторые другие поступили, несмотря на такие же и даже худшие экзаменационные оценки и задержки в званиях. Никакого чуда – все они, или имели «лапы», или умели в нее «давать», или еще что-то, а конкурсный отбор в академию никогда не определялся набранными экзаменационными баллами.

После вторичного фиаско единственной, правда довольно тусклой, «путеводной звездой» для Ратникова стало получение последнего, возможного для командира дивизиона воинского звания – подполковник. Тяжело осознавать близкий конец карьеры офицеру, заряженному на гораздо большее, и не жалевшему на службе сил и здоровья. В последние годы он уже не лез в передовики, предпочтя более спокойный удел крепкого середняка. Тем не менее, стычки с начальством участились. Особенно Федор Петрович плохо «переваривал» молодых и удачливых «академиков». Они все ему казались «блатными», выучившимися вместо него. В результате подполковника тоже перевахивал почти полтора года.

Машина сделала крутой поворот и затряслась на ухабах: свернули с шоссе на грунтовку, ведущую к дивизиону. Пырков сразу очнулся:

– О, родимую тропку ощущаю, скоро приедем.

Ратников не отреагировал. «Рытвины и ухабы» напомнили хоть и не о близком, но неотвратимом – где достать летом гравий и песок для ремонта этого 3-х километрового участка дороги закрепленного за дивизионом. Эту мысль он отогнал легко – до лета еще далеко – и «освободившееся место» тут же вновь заняло полковое совещание. Там, кроме приезда комкора, обсуждали еще ряд вопросов связанных с состоянием воинской дисциплины в подразделениях полка и борьбой с неуставными взаимоотношениями. Эта часть совещания напоминала экзекуцию. Когда речь заходила об очередном «ЧП» в каком-нибудь подразделении, вставали со своих мест соответствующие командир с замполитом и униженно выстаивали пока начальник политотдела полка «клеял их позором». Подобные вставания именовались в офицерской среде метафорично: дёргать задом гвозди. На прошедшем совещании больше всех надергал «гвоздей» тридцатилетний командир дивизиона, пришедший в полк по протекции из штаба корпуса. Протекция, видимо, оказалась не очень сильная, ибо его костерили безжалостно, да и было за что. За те полгода, что он «рулил», в его дивизионе не прекращались самоволки и это еще полбеда. Неделю назад зам начальника политотдела, большой спец по осмотру солдатских задниц, за что получил прозвище «гинеколог»... Так вот «гинеколог» заставил в том дивизионе молодых солдат спустить трусы и обнаружил на ягодицах целой группы бойцов последнего призыва следы «отпуска баночного довольствия», то есть синяки от ударов бляхами ремней, которыми «старики» обычно так вот «прописывали» молодых.

Один раз пришлось подняться и Ратникову с Пырковым. В вину им поставили слабую воспитательную работу с молодыми офицерами, имея в виду конфликт, произошедший между старшим лейтенантом Малышевым и ефрейтором Гасымовым. Если бы наружу выплыла вся правда о той стычке, возможно, стоять бы им с замполитом на парткомиссии, а Малышев вполне и недавно полученной третьей звездочки мог бы лишиться. Тот конфликт, благодаря

стараниям Пыркова, удалось притушить, замять, так что до полка дошли лишь слабые отзвуки, дескать, старлей отmaterил и попутно дал ефрейтору небольшую затрещину. А на самом деле имело место настоящее рукоприкладство, да еще с оскорблениями на национальной почве. Ратников хоть и не был свидетелем, но легко представлял случившееся. Коренастый старший лейтенант с огромными кулаками, и вот один из этих кулаков-кувалд резко набрав скорость вступает в прямой контакт с неприятно лоснящейся наглой физиономией дивизионного капитана Гасымова. Неординарный случай застиг Ратникова врасплох, хотя он, в общем-то мог бы и предвидеть нечто подобное заранее. Ведь он знал, что Гасымов хам и наглец, а его родственники, которых он частенько упоминал как людей «умевших жить», по всей видимости крупные мошенники и спекулянты. Знал, что Гасымов любит похвастать необычным для советской действительности богатством своей семьи, и о том какая прекрасная, обеспеченная жизнь ожидает его после «дембеля». Знал Ратников и то, что Малышев, большую часть жизни проживший в Батайске под Ростовым, с трудом переваривает этнических кавказцев. Все это подполковник знал, но не предупредил этой стычки. Попытки поговорить со старшим лейтенантом после случившегося ни к чему не привели. Малышев угрюмо замкнулся и однообразно твердил: «Не выдержал, готов понести наказание». Но при этом никаких угрызений он явно не испытывал и виноватым себя не считал...

4

Тот инцидент произошел три недели назад, в начале октября. Совсем недавно прибывшие в дивизион молодые лейтенанты, выпускник военного училища Сушко и двухгодичник, выпускник Московского Энергетического Института Рябинин, обложившись схемами, сидели в ленинской комнате и занимались самоподготовкой. Они изучали устройство сложного радиотехнического узла из состава обслуживаемой ими техники. Вернее Рябинин помогал Сушко осилить схему. В войсках ПВО ни для кого не было секретом, что выпускники гражданских ВУЗов, не идя ни в какое сравнение со вчерашними курсантами военных училищ по общевойсковой подготовке, за редким исключением, значительно превосходили их в теории точных наук. Рябинин исключением не оказался, радиотехнические схемы «читал» как книги и быстро осваивал вверенную ему технику. Он в очередной раз доказывал, что МЭИ это фирма и на военной кафедре института офицеры-преподаватели, коим вместо войск посчастливилось туда попасть, честно отрабатывают московскую прописку.

В самый разгар занятий, когда лейтенанты уже «по уши» залезли в дебри изображенных на схемах радиоэлементов, в ленкомнату нарочито-небрежной походкой вошел каптер ефрейтор Гасымов. Этот солдат занимал в дивизионе особое место. Его призвали после окончания математического факультета одного из периферийных пединститутов Азербайджана. Среди призывников последних лет, где с каждым годом рос процент выходцев из Средней Азии и Закавказья, плохо, или вообще не владеющих русским языком, выпускники институтов, не имеющих военных кафедр, считались «золотым фондом» личного состава Советской Армии. Их, как правило, назначали на самые трудные и ответственные солдатские и сержантские должности по обслуживанию техники, где главную роль играла именно грамотность, образование. Но с Гасымовым получилась «осечка». Этот математик с высшим образованием не потянул должность оператора ЭВМ, рассчитанную на добросовестного выпускника средней школы. Не прижился он и в стартовой батарее, где требовались физическая сила и подвижность. Свою судьбу на время армейской службы Гасымов устроил, используя момент, когда Ратников находился в отпуске. Он сумел «убедить» замещающего Ратникова начальника штаба дивизиона майора Колодина перевести его на должность каптера. Что и было сделано, по слухам, не бесплатно. Из Азербайджана на адрес начальника штаба, будто бы приходила какая-то посылка. Так или иначе, Гасымов сел на «теплое» место. Справедливости ради надо отметить, что в каптерке он довольно быстро навел образцовый порядок, ибо до него там самолично хозяйствовал старшина дивизиона прапорщик Муканов...

Предки старшины до затопления Долины жили на левом, казахском берегу Иртыша. Но после того, как и их селения, кладбища и пастбища оказались под водой, перебрались подальше в глубь калбинского хребта, поближе к Чертовой Долине. Но туда, на высоту и скудные для разведения скота места поехали не все, некоторые перебрались на правый берег и осели в Новой Бухтарме и близлежащих деревнях, благо свободные квартиры имелись. Родители Муканова работали в совхозе у Танабаева, но он сам после срочной службы, поработав в совхозе совсем немного, предпочел пойти в прапорщики. Старшиной он являлся довольно требовательным, но грубым с подчиненными, мог поддерживать дисциплину в казарме, но имел недостаток свойственный многим казахам – патологическую безалаберность в хозяйственных вопросах. Каптеров Муканов тоже подбирал из соплеменников под стать себе, и на протяжении тех полутора лет, что он «старшинил», в каптерке «черт мог ногу сломать».

Ратников предпринял, было, попытку избавиться от такого старшины, но веских причин для его снятия не оказалось: Муканов не пил, с начальством держал себя вежливо, особенно предупредителен был с политработниками. Именно в политотделе полка Ратникову популярно

объяснили, почему необходимо укреплять связь с коренным местным населением, как говорится, народ и армия едины. А хозяйственная жилка? Ну что ж, то дело наживное, на то он Ратников и командир, подчиненных воспитывать. Потому, увидев как Гасымов начал приводить в порядок вещевое имущество дивизиона сосредоточенное в каптерке, подполковник не стал препятствовать его нахождению на данной должности.

Ну, а в тот памятный день Гасымов пребывал в хорошем настроении, что побуждало его пообщаться. За год службы он немало поднаторел в деле «учения жизни» своих сослуживцев, солдат срочной службы. Теперь он, видимо, решил, что пришло время приняться и за молодых офицеров. Не спрашивая разрешения, каптер подсел к лейтенантам и бесцеремонно завел разговор. Сушко, видимо, и в училище не отличавшийся бойкостью, сейчас попав на «точку» вообще сник, засомневался в выборе жизненного пути. Рябинин, всего четыре месяца как в армии, тоже еще не «оперился» и терялся в сложных ситуациях. Не зная как реагировать на наглость каптера, лейтенанты молча, прервав занятия, слушали гасымовские поучения.

– Вот вы все учитесь, учитесь, а жизни совсем не знаете, – небрежно кивнул на разложенные схемы и инструкции каптер. – Чтобы хорошо жить ничего этого не надо знать. Вот я институт закончил, – а почти не ходил туда, мой старший брат тоже, а дипломы и он, и я получили. – Приняв настороженное внимание слушателей за проявление интереса, Гасымов продолжал. – Я еще не работал нигде, а у меня дома шестнадцать тысяч на книжке лежит. У брата сорок пять и «Волга» есть. У всех офицеров вместе на этом дивизионе столько нет, а может и во всем полку.

Насмешливая физиономия каптера при упоминания им «достатка» офицеров приняла откровенно презрительное выражение. Лицо Сушко тоже претерпело изменения, из растерянного превратилось в удивленное и даже промелькнуло подобие восхищения. Его, парня из малообеспеченной семьи, словесное жонглирование многими тысячами рублей впечатляло. Рябинин хмуро молчал, он понимал, что наглеца надо поставить на место, но не решался.

Уловив в глазах слушателей немой вопрос, Гасымов откровенно с удовольствием поведал историю возникновения семейного капитала:

– Брат от предприятия, где работает, в командировку в Сибирь каждый год ездит, лес закупать. Там кому надо заплатит, бутылку поставит, столик в ресторане закажет и ему лишнего леса загрузят. А дома он эту излишку с помощью отца продает. Лес у нас дорогой, из рук рвут. За год наш семья имеет больше чем другие за жизнь. Я как на дембель пойду жениться буду. Мне дом брат купит, подарит, машину – отец. Вот как жить надо! А вы тут какие то плюшки-финтифлюшки разглядываете, – Гасымов презрительно ткнул пальцем в треугольные изображения диодов на близлежащей к нему схеме.

Войдя в раж, каптер не услышал, как кто-то неслышно подошел к полуоткрытой двери ленкомнаты, привлеченный его голосом, и невидимый, стоял за нею, слушая.

– Ну, вам то еще ничего, два года отслужите, в Москву вернетесь, а в Москве жить можно, – утешил каптер Рябинина. – А ваше дело совсем плохо, всю жизнь по таким вот «точкам» промучаетесь, – теперь он «обрадовал» совсем сникшего Сушко.

Фривольно закинув ногу на ногу, Гасымов достал пачку «БТ». Он всегда покупал самые дорогие сигареты, имеющиеся в дивизионном магазине, в то время как прочие курящие солдаты и большинство офицеров предпочитали дешевые «Астру», или «Приму». Но покурить ему на этот раз не пришлось.

– Убери сигарету, сука черножопая, и встань, когда с офицерами разговариваешь! – в дверях стоял старший лейтенант Малышев с лицом искаженным гримасой ненависти...

Старшему лейтенанту Николаю Малышеву исполнилось двадцать четыре года. Это был импульсивный, физически развитый парень. Гасымову всего на год меньше, но внешность он имел, так сказать, среднеазербайджанскую, то есть, внешность кавказца, но не кавказца-джигита, худошавого, резкого, взрывного, а кавказца рыночного торговца, мордатого, чрезмерно

тяжелого в зад, неповоротливого, и в то же время хвастливо-наглого. Исходя из этого, у каптера не имелось шансов противостоять в физическом столкновении. Впрочем, он и не успел ничего сделать, кроме того, что вскочить, опрокинув стул на котором сидел... Буквально через две минуты каптер уже выползал из ленкомнаты на четвереньках, «освещая», себе путь быстро наливающимися синевой подбитыми глазами.

Все это, до мельчайших подробностей, замполит знал уже пару часов спустя, сопоставив показания «участников» и «свидетелей». Гасымов порывался жаловаться в Политотдел, ГЛАВПУР, министру обороны, и, что особенно подчеркивал, члену Политбюро Гейдару Алиеву. Пырков сначала сбил с него спесь, пугнув тем, что если дать делу официальный ход, то при расследовании всплывет и содержимое его «поучительных» фактически антисоветских высказываний, в которых он проповедовал личное обогащение посредством расхищения социалистической собственности. И это, ох как не понравится в вышестоящих политорганах и, вполне возможно, даже его высокопоставленному замляку в Политбюро ЦК КПСС. Более того, содержание его хвастливой болтовни может дойти (если послать соответствующее письмо) до его родных солнцеобильных мест, и там его родичам вполне может «непоздоровиться». В общем, это дело плавно спустили на тормозах, но чтобы каптер получил хоть какое-то моральное удовлетворение и не рвался жаловаться через голову дивизионного командования, Мальшеву объявили «строгий выговор» за нетактичное поведение с младшим по званию, не упоминая ни рукоприкладства, ни оскорбления на национальной почве. Гасымову же, в свою очередь, дали понять, что прощают и слова его и попытку закурить в святом для любого советского военнослужащего месте...

Наконец, глубокая извилистая колея вывела автомобиль к конечной цели – впереди ясно обозначились огни «точки». Машина, словно чуя близкий конец своим мучениям, перестала «капризничать». Бросив взгляд на приближающийся военный городок, Ратников привычным хозяйским взглядом отметил недостаточное количество фонарных огней. «Одиннадцать... один не горит, завтра надо команду электрикам дать, лампу поменять», – автоматом работала мысль, приученная за последний десяток лет к постоянному беспокойству за этот небольшой островок человеческой жизни, в котором он являлся главным лицом, или, как говорили отдельные, не симпатизировавшие ему офицеры и их жены – царем-самодержцем.

Фары высветили из снежной темени железные ворота со звездой и небольшую постройку – караульное помещение. Водитель засигналил, замполит спросонья вздрогнул, через несколько секунд из «караулки» выбежал солдат с автоматом, на ходу застегивая шинель, открыл металлически лязгнувшие ворота. «Радиотехническая батарея в наряде», – взглядываясь в сощурившееся от света автомобильных фар лицо солдата, вновь механически отметил Ратников. «Посмотреть, как там у них в караулке?» – появилась, тут же подавленная неким чувством мысль. Это чувство, название которому: да пропади оно все пропадом, нет-нет да и навещало в последнее время подполковника, с частотой обратно-пропорциональной количеству оставшихся ему до увольнения в запас лет. Пока то чувство боролось с другим, что присуще любому человеку, приученному к дисциплине и носит название служебного долга... машина уже миновала ворота, проехала вдоль забора, отделявшего ДОСы от казармы, и остановилась напротив входа в казарму.

5

Спрыгнув с подножки машины, Ратников отметил, что не ошибся: один фонарь действительно не горел. Легкая поземка наполовину занесла строевой плац. «Утром вместо физзарядки» придется от снега очищаться, за ночь тут много наметет», – размышлял Ратников, шагая к казарме.

Казарма, красно-кирпичное одноэтажное длинное здание, с первого взгляда казалось утопающим в сугробах, но при более внимательном рассмотрении проявлялась каждодневная кропотливая работа: нигде по всему периметру снег вплотную к зданию не подступал. Только южная, торцевая сторона, с которой к казарме примыкал клуб-пристройка, портила общую картину. Здесь лишь дверь очищена от снега, а вся остальная наружная стена до самых окон завалена снегом.

– Николаич? – Ратников обернулся к следующему за ним Пыркову. – Опять твой лодырь снег от клуба не отбросил. Который раз тебе напоминаю?

Подполковник говорил о подчиненном замполита, клубном работнике рядовом Физюкове.

– Да не успевает он, Федор Петрович. Он же целыми днями то стенды мастерит, то плакаты пишет, стенгазету рисует, а тут еще этот снег, вступился за «своего» замполит.

– А что я комкору скажу, когда придет? Нет, ты уж как-нибудь сам решай вопросы, связанные с твоими объектами. А клуб это твое родное. Не мог, что ли, у командиров батарей людей попросить? Завтра же с подъема возьми у Сивкова трех человек и до завтрака расчисти свое заведение – отрывисто бросил подполковник, берясь за ручку казарменной двери.

В казарме, ярко залитой светом люминесцентных ламп, к подполковнику поспешил рослый, немного лупоглазый лейтенант Рябинин, на левом рукаве повязка дежурного по дивизиону. Несколько сбивчиво, краснея от пристального прищуря командира, лейтенант подал команду «Смирно!» и доложил, что за время его дежурства в дивизионе происшествий не случилось. Ратников огляделся: на полу ничего к чему бы можно придраться – только что потерли. Глянул на дневального у тумбочки – тот вытянулся, отдал честь, ремень затянут. Прикопаться явно не к чему, а так подмывало привычно отчитать этого столичного молодчика: «Как это не случилось, да у вас...!!!»

Неожиданно, в притихшей, как всегда, когда заходил командир, казарме раздался грохот упавшего на пол тяжелого предмета. Ратников повернулся и пошел в «эпицентр» этого звука, в спальное помещение. Дежурный с растерянным видом поспешил следом. Несколько десятков человек, все кто находились в казарме, повернулись к обнаженному по пояс, невысокому мускулистому солдату. Источником грохота являлся он, вернее упавшая 24-х килограммовая гиря. Видимо, услышав команду «смирно» он прервал свою тренировку с гирей и поставил ее на гимнастического козла, чтобы потом после команды «вольно» продолжить занятия. Но впопыхах поставил слишком близко к краю и тяжелый снаряд, соскользнув, рухнул на пол. Гиревик растерялся и смотрелся испуганным взъерошенным котенком. Ратникова боялись, и такая реакция солдата была вполне естественна.

Подполковник ощутил сухость во рту – предвестник подступавшего гнева. «Тут командир корпуса приезжает, а вы беситесь!» – хотелось кричать ему. За двадцать лет офицерской службы он научился зло и беспощадно распекать подчиненных. Со временем это получалось уже самопроизвольно: раздражение подкатывало, неуправляемо неся в бездну гнева... Ратников смотрел на крепкого парня, с растерянным лицом ожидавшего командирской брани и наказания. И... у подполковника непонятно откуда вдруг явилась совершенно нестандартная мысль: «А какое ему дело, что комкор едет. Он день отпахал, отдежурил, сейчас отдыхает, на

что имеет полное право». Простая логика, в общем-то, давно уже вынашиваемая в сознании, как-то разом сняла напряжение, успокоила подполковника, тем более что «виновник» рядовой Кудрин солдатом был неплохим и никогда особых нареканий не вызывал. Зато в ожидающих взглядах некоторых «зрителей» читалось: «наконец-то и ты попался «тихушник», побыл хорошим, хватит, сейчас «батя» на тебя разрядится...»

– Я почию, товарищ подполковник, – опережая командира, зачастил Кудрин, – никаких следов не останется.

– Хорошо, только аккуратнее и попроси Григорянца, чтобы помог тебе, – только и сказал Ратников, и к немалому удивлению казармы, тут же повернувшись, пошел в канцелярию, негромко приказав дежурному:

– Рябинин, пойдем со мной.

Лейтенант нехотя пошел следом, уверенный, что его ждет нахлобучка.

Михаила Рябина с первых дней службы в дивизионе стали звать студентом. Сначала это его обижало, но потом он понял, что это прозвище и несколько пренебрежительное отношение «прилипает» ко всем двухгодичникам. Как и положено лейтенанту командира дивизиона он побаивался, особенно его «фирменного» пристально-пронизывающего взгляда, от которого становилось не по себе, даже если и не чувствуешь за собой никакой вины. За свое недолгое время службы Михаил пришел к неутешительному для себя выводу – командир его недолюбливает, вот только неясно почему.

В канцелярии дивизиона, расположенной в противоположном от спального помещения крыле казармы, прямоугольной комнате с тремя потертыми письменными столами – командира, начальника штаба и замполита – грубо сваренным двухэтажным сейфом с облупившейся кое-где темно-зеленой краской... Вся эта приевшаяся своей казенщиной обстановка дополнялась неоднократно чиненными исцарапанными стульями с грязными ножками. На командирском столе лежала кошелка с рыбой – это шофер занес забытую Ратниковым в машине рыбу. Подполковник открыл сейф и с неприязнью зашвырнул туда кошелку, возбуждающую неприятные воспоминания часовой давности. Он сел за стол, лейтенант остался у двери, в тревожном ожидании.

– Подойди ближе, что стал как неродной... Ты в курсе, что к нам скоро, может даже на следующей неделе приезжает с проверкой новый командир корпуса? – Ратников сделал многозначительную пузу.

На «студента» данное известие не произвело никакого впечатления. В этой связи в голосе Ратникова послышались недовольные нотки:

– Напрасно думаешь, что к тебе лично это не имеет отношения, тебе тоже надо кое в чем над собой поработать.

Глядя на не по росту сшитую, короткополюю, топорщащуюся по бокам шинель лейтенанта подполковник тут же выдал и конкретное «руководство к действию»:

– Шинель смени.

Рябинин обладал неплохой фигурой, напоминая Ратникову его самого в молодости – рослый, стройный... Но на вечно бедном полковом вещевом складе подобрали только эту шинель, короткую для него и в то же время свободную в бедрах, будто на бабу шили, а не на офицера.

– У меня другой нет, – вызывающе ответил лейтенант.

– Попроси у кого-нибудь на время.

– А что, пусть посмотрят как нас, двухгодичников здесь экипируют, – все больше «смел» студент.

– Цыц, – словно ребенка, осадил его Ратников. – Другую шинель тебе комкор все равно не даст, а повод для разговоров будет. Скажут, на тебя глядя, что у нас тут все как пугала

огородные ходят... – Подумав, добавил, – Ладно, весной, как на полковой склад завоз будет, напомни мне, начальнику тыла позвоню, сменим тебе шинель.

Ратникову в последнее время все больше начинал нравиться этот старательный хоть и «колючий» парнишка, которого он спервоначала встретил с явным предубеждением, в «штыки». Свою неприязнь и придирчивость он оправдывал неопытностью лейтенанта. Лишь спустя некоторое время подполковник сам себе признался, что страдает скрытой формой зависти. Он бессознательно завидовал тому, что Рябинин москвич, что через полтора года он отслужит, и уйдет с «точки» и снова будет жить в центре цивилизации, где-то там в районе Площади Ильича, что он за свои двадцать два года жизни не знал, да скорее всего и не узнает в будущем тех мытарств, которые выпали, да еще и выпадут на его, Ратникова долю. Тому обстоятельству, что подполковник «потеплел» к студенту способствовало поведение самого Рябинина. Тяготы службы и даже попреки он сносил стойчески, к служебным обязанностям относился старательно. Опираясь на хорошую институтскую базу, быстро осваивал вверенную ему технику...

– Сколько градусов в казарме? – перешел к обычному командирскому «допросу» дежурного Ратников.

– Четырнадцать, – четко ответил Рябинин, зная, как не любит командир, если дежурный не знает точно температуру внутри спального помещения.

– Немного, – со вздохом констатировал подполковник.

Причина «зусмана» в казарме имела чисто «головотяпское» происхождение. Когда строили казарму, потолочные перекрытия, имеющие специальные углубления «колодцы», положили неправильно, наоборот, как корыта, и вместо воздушной теплоизоляционной «подушки» получились резервуары для скопления проникающей с крыши влаги. И хоть эти пустоты давно уже засыпали шлаком, он не смог стопроцентно заменить «подушки» и солдаты в казарме с поздней осени до весны вынуждены были «закаляться».

Офицеры у себя в ДОСах в сильные холода отапливались самостоятельно. Не особо надеясь на паровое отопление, они дополнительно обогревали свои щито-сборные «финские» домики с помощью имеющихся в квартирах печек-голландок, благо уголь даровой. Ну, а кто ленился печки топить, обогревались с помощью разного рода электрообогревателей, в том числе и самодельных «козлов», опять же благодаря тому, что не работали электросчетчики и плату за «свет» брали некую среднюю.

– Пойдешь к кочегарам, – продолжал свой инструктаж Ратников, – скажешь, пусть угля не жалеют, за эти дни надо температуру в казарме поднять.

– Я то скажу, но они ведь, начальником тыла заинструктированы об экономии и меня вряд ли послушают, – возразил лейтенант.

– Здесь не начальник тыла, я командир. Скажи это мой приказ. Что сейчас пережжем, в оттепели компенсируем... если получится.

Расход угля строго планировался и регулярно контролировался службой тыла полка. Но если к приезду нового комкора в казарме будет холодно, у него наверняка возникнут соответствующие вопросы. И сможет ли молодой полковник, бывший лётчик, почти никогда не сталкивавшийся с кочегарками, углем, личным составом, понять все эти трудности, которые порой невозможно никак преодолеть.

– А куда замполит пропал? – вдруг спросил Ратников.

Дежурный, недоуменно пожал плечами.

«Домой, наверное, свалил... Счастливый, может вот так плюнуть на все. А ведь для него этот визит комкора куда важнее, чем для меня, у него-то «поезд» еще не ушел, он еще может в свою академию успеть», – подумал Ратников.

Эти мысли вновь разбудили «задремавший» было гнев, который волнами подступал, вызывая неприятные спазмы в горле. Но тут же усилием воли он его подавил: «А черт с ним со всем, будь, что будет, все равно ничего не изменить, раз на роду написано». Ратников взглянул

на часы – без пяти восемь. Желание вызвать замполита и переложить на него часть забот прошло. Идти домой не хотелось. Там, скорее всего, ждал неприятный разговор с женой. Потому он готов был ухватиться за любую причину, лишь бы оттянуть время. В дверь постучали...

6

В канцелярию вошел среднего роста непрезентабельный человек с длинными как у орангутанга руками, далеко торчавшими из рукавов меховой танковой куртки.

– Разрешите обратиться, товарищ подполковник! – четко по уставу произнес вошедший.

– Заходи Валера. Что там у тебя? – приветливо отозвался подполковник.

Тридцатидвухлетний автотехник дивизиона прапорщик Валерий Дмитриев родился в Усть-Бухтарме, а вырос уже в Новой Бухтарме, смолоду работал шофером на автобазе. Но потом, ввиду низких заработков шоферов перешел на цемзавод в «обжиг», самый вредный для здоровья цех, где платили куда больше. За пять лет такой работы Валера серьезно надорвал свое здоровье. Потому и подался он в близлежащую воинскую часть на должность автотехника, благо в автомобилях разбирался неплохо, а на дивизионе всегда имелся дефицит прапорщиков.

– Товарищ подполковник, вот я составил опись запчастей, необходимых для ремонта нашего автотранспорта, – прапорщик подал лист бумаги.

– А чего это ты мне его принес? Не знаешь, что ли как это делается? Составь официальную заявку и как положено представь в полковую автослужбу, – Ратников смотрел на прапорщика недоуменно.

– Да без толку все это. Я этих заявок в полк без счета перевозил. Но там, того что нам надо нет. Это можно достать только в поселковой автобазе, на их складе.

– Ну, так достань, ты же там работал, небось, всех там знаешь, – начал уже слегка раздражаться подполковник, как всегда, когда подчиненные, как ему казалось, хотели переложить на него выполнение своих обязанностей. Ладно, Рябинин, тебе все ясно? – обратился он к, по-прежнему стоявшему перед ним, дежурному. – Давай, иди к личному составу, у нас тут с автотехником свой разговор будет.

Дежурный козырнул и скрылся за дверью.

– Товарищ подполковник, за все это или деньги платить, или бутылки ставить надо. Даже если я свою зарплату положу, расплатиться не хватит, – нервно прояснил ситуацию прапорщик.

– Так ты, что предлагаешь, мне что ли водку автослесарям и кладовщикам на автобазе ставить?! – повысил голос и подполковник.

– Да нет. Тут надо с самим завбазой договариваться. А лучше, чтобы он нашу транспортную машину к себе в теплый бокс поставил и распорядился ей полный техосмотр сделать. Там и условия и специалисты есть, – терпеливо гнул свое Дмитриев. – Вы же сами знаете, что на ней надо коробку передач перебирать или вообще менять. Иначе, аварии не избежать.

Ратников задумался, вспомнил скрежет, с которым переключал передачи водитель. Автотранспорт всегда был одним из больных мест дивизионного хозяйства. Потому и обрадовался он, когда два года назад к нему из поселка пришел служить этот куркулеватый, невзрачный мужик. Ратников надеялся, что Дмитриев, наконец, наведет должный порядок с автотранспортом. Но чуда не произошло, автотехник сразу поставил вопрос ребром – будут запчасти, отремонтирую машины, и никак иначе, при этом сам «доставалой» он становится не собирався.

– Так ты что же хочешь, чтобы я поехал к заведующему автобазой и уговорил его отремонтировать нашу машину? Или ты предлагаешь мне дать ему в «лапу»?

Прапорщик слегка потупился, и как-то враз стушевавшись, заговорил стеснительным тоном:

– Федор Петрович, вам надо не его просить, а Ольгу Ивановну... Решетникову.

– Решетникову... учительницу!? – изумлению подполковника не было предела. – А она-то здесь при чем?

– Видите ли, зав автобазой, он как я недавно узнал, ей вроде родней приходится. Не знаю какой родной, но дед заведующего, как только она объявила, кто она есть на самом деле, сразу всем говорить стал, что она получается им как родня, и он сам у ее матери в школе учился еще до советской власти. В общем, я думаю, если она попросит, заведующий пойдет навстречу. А вы же с ней, с Ольгой Ивановной, хорошо знакомы. Другого пути у нас все равно нет. В полковой автослужбе с запчастями полный голяк, а так, может, удастся. Попробуйте, пожалуйста, – моляще попросил прапорщик.

Ратников тупо уставился в пол. До такого сам бы он никогда не додумался, просить учительницу своего сына воздействовать на директора автобазы, чтобы тот помог ему в ремонте дивизионного автотранспорта. Не мог он и в очередной раз не удивиться, как вдруг в последние два-три года во всей округе вырос авторитет и значение, до того в общем-то скромной и малозаметной учительницы русского языка и литературы ново-бухтарминской средней школы. В связи с этим он не мог не спросить после некоторой паузы:

– А что у вас там, в поселке говорят... ну про Ольгу Ивановну? С чего это она вдруг... ну такой уважаемой стала?

– Я и сам удивляюсь. Я ведь тоже у нее учился, когда она еще Байковой была. Училка и училка, а оказалось вона как, внучка станичного атамана, родилась в Китае. Я же еще с малых лет помню, когда в Усть-Бухтарме жили, дом тот, в котором клуб помещался. Про него так и говорили, атаманский дом. И крепость помню и церковь. Колокольню, когда взрывали, смотреть бегал, мне тогда лет пять было, – рассказывал Дмитриев.

– А зачем взрывали-то, в пятидесятых вроде с религией уже не боролись? – вопросом перебил Ратников.

– Да нет, тут другое. Колокольня-то высокая, кирпичная, а там сейчас водохранилище. Чтобы пароходы случайно не напоролись, – пояснил прапорщик и продолжил свои мысли. – Если бы она лет десять назад такое отчебучила, ей бы тут не жить. А сейчас как все с ног на голову перевернулось, столько народу к ней в родственники набиваются. Будто советская власть то ли ослабла, то ли другой стала, если она из такой семьи и стала чуть не самым уважаемым человеком в поселке. Но так оно и есть Федор Петрович, поговорите с ней, ей не откажут, ей Богу. Она же и супругу вашу знает.

– М-да... чушь какая-то. О ремонте машин договариваться с учительницей. Впрочем, можно попробовать. Ну, а ты-то, Валера, как ко всему этому относишься. Ты же вырос здесь, ты-то сам кто изнутри больше красный или белый? – подполковник оперся локтями на стол и с интересом воззрелся на прапорщика.

– А я сейчас никакой. Когда еще малой был, в школе учился – насквозь красный был. Но где-то лет в пятнадцать бабка мне всю историю моей семьи рассказала. Так я сначала не поверил ей. А потом... потом понял, что так оно и получается, что по родне я получаюсь никакой, ни красный, ни белый. У прадеда моего, здесь неподалеку хутор был с землей, так его и красные и белые грабили. А деда с братьями потом в подразверстку за то, что хлеб свой отдавали, постреляли, хутор разорили. Бабка с отцом моим годовалым и его сестрой пятилетней христарадничала тут по деревням, батрачить нанималась, за кусок хлеба. А у прадеда на хуторе и коров стадо было, и бараны и пашни целых сорок десятин и лугов столько же. Кстати, один из его покосов недалеко от нашего дивизиона был. Помните родник, что меньше чем в километре отсюда, куда летом иногда за водой женщины наши ходят? Ну, так вот, там тоже была его земля, траву они там косили. Все поотбирали. А прадед за все это двадцать пять лет царю верой и правдой солдатом отслужил. И с турками воевал, Бухару и Коканд брал. Так что, получается, от той революции родня моя крепко пострадала. Но, я думаю, и они тоже были не красные и не белые, и я вот такой же. Я вообще за то чтобы ни на одну обочину не заваливаться, я чтобы по середине дороги ехать, – выражал свое кредо Валерий Дмитриев.

Ратников с изумлением смотрел на прапорщика, тот впервые так с ним разоткровенничался и поведал столь необычную историю своей семьи. После ухода Дмитриева подполковник минут пять просидел в раздумье, потом через дневального вновь вызвал дежурного.

– Садись, – Ратников указал на стул, на котором только что сидел прапорщик.

Неожиданное предложение несколько смутило лейтенанта, его глаза изобразили немой вопрос. Тем не менее, он осторожно присел на край стула.

– Как у тебя Миша служба-то, привыкаешь?

Еще более изумленный вопросом и обращением по имени лейтенант растерянно пробормотал в ответ:

– Все нормально, товарищ подполковник.

– Не ври. Наверное, после Москвы-то, здесь жить, ад кромешный?

– Да нет... – лейтенант замялся. – Конечно, сначала с непривычки тяжеловато было, а сейчас привык более или менее, жить можно.

– Жить и в свинарнике можно. Ну, а все-таки, как тебе, новому человеку, со стороны кажется. Плохо мы здесь живем?

– ... Плохо, товарищ подполковник, – помявшись и поерзав на стуле, решил-таки быть откровенным Рябинин. – Я вообще не предполагал, что у нас в армии существуют подобные «точки». Преподавателям с военной кафедры не верил. А ведь они далеко не в худшем свете нам эту жизнь представляли.

– А конкретно, что тут у нас тебе больше всего не нравится?

Лейтенант в шинели, перетянутой ремнями португепи, шапке, от внутреннего напряжения вспотел и у него на лбу появились капелька пота. Он движением руки смахнул ее.

– Мне, конечно, трудно судить, но кажется, у нас тут не все устроено так, как должно быть, – Рябинин настороженно-вопросительно наблюдал за реакцией командира.

– Ну-ну, конкретнее? – поощрил Ратников

Вздыхнув, как перед прыжком в глубину лейтенант вновь заговорил:

– Чтобы военнослужащий, все равно кто, солдат или офицер, мог нормально работать, нужны нормальная еда и отдых. А у нас в столовой кормят не очень. Повара, неврастеника этого, давно пора гнать.

Ратников, упершись взглядом в какую-то точку на столе, чуть заметно кивнул. Таким образом подбодренный лейтенант продолжал:

– А какой может быть отдых, когда люди не могут нормально выспаться. Через два дня на третий в карауле или нарядах, а в свободные дни снег убирают с утра до вечера, позицию чистят, пусковые, капониры. А потом, уставшие как собаки, в холодной казарме спят, одежду и портянки сушат на чуть теплых батареях. От всего этого ночью в спальном помещении настоящий смрад. Это же не служба, а сплошные мучения. Как тут дисциплину поддерживать? В дивизионе ведь только вас, ну может быть, еще пару офицеров по-настоящему слушаются. А занятия как проводятся? Ведь солдаты на них просто засыпают. Разве можно измученным слушателям вдолбить такие сложные понятия как принцип работы радиолокационной техники? А каков наш старшина?... Ну, я не знаю. Он вроде служил во внутренних войсках, может для того рода войск он и был бы хорош, но здесь есть солдаты не просто со средним образованием, но и со средне-техническим и даже с высшим, а он уж очень груб и малообразован, над ним же просто потешаются. И еще. Я не понимаю, как в такие войска как наши вообще могут призывать людей плохо, или вообще не владеющих русским языком. С ними вообще занятия проводить невозможно, они же ничего не понимают...

На протяжении всего монолога Рябинина лицо подполковника сохраняло абсолютно спокойное, даже несколько безразличное выражение. Но когда лейтенант остановился, чтобы «перевести дух», он тут же бросил реплику:

– Насчет нерусских, у нас в ПВО еще терпимо, в пехоте вообще мрак. Это как раз вполне объяснимо. Ты у матери с отцом, который по счету ребенок?

– Первый, – несколько растерявшись от того, что его сбили с «обличительной ноты» ответил лейтенант.

– Еще братья и сестры есть?

– Есть, сестра младшая.

– И всё?

– Всё.

– Вот и в каждой русской, белорусской, украинской да, пожалуй, и в татарской семье так же. А ты бойцов, что со Средней Азии призывают, личные дела посмотри. У них восемь-десять детей не редкость. Вот потому их все больше и становится, – поучительно пояснил Ратников.

– Но надо же как-то выходить из положения, обучать языку, – нашелся Рябинин.

– Вот ты возьми и обучи, – Ратников саркастически усмехнулся.

– Я? – изумился лейтенант. – Я радиоинженер, а не филолог.

– Мы тут все не филологи. Легко говорить, что кто-то что-то и кому-то должен, а сам задарма работать не желаешь. А почему кто-то другой должен? Ведь это труд, обучить человека чужому языку. А ты как наши большие начальники рассуждаешь, на дармовщину все, – Ратников пылливо посмотрел на лейтенанта, оценивая как тот воспринял его слова.

С полминуты в канцелярии царило молчание.

– А в общем ты, конечно, прав, – вновь заговорил подполковник, удовлетворившись тем, что кажется, сбил таки с собеседника спесь, – все подметил верно. Но ничего нового от тебя я не услышал. Я даже могу тебе еще кое-чего подбросить для размышлений на досуге. Вот ты знаешь, сколько наши бойцы получают денежного довольствия?

– Семь-восемь рублей, – машинально ответил Рябинин, не понимая, к чему клонит командир.

– Ну и как, по-твоему, это справедливо?

– Не знаю, но так ведь всегда было. Я слышал, что несколько лет назад рядовые вообще три восемьдесят получали.

– Это я и без тебя знаю. Отвечай, раз ты тут о недостатках разговор завел. Семь рублей за бессонные ночи в карауле, на морозе и ветре, тонны перелопаченного снега, несение боевого дежурства – это справедливо?

Ратников явно «заводился», а лейтенант все более «тушевался», молчал, не зная, что отвечать.

– Вот то-то. Ты 260 рублей получаешь, а почти им ровесник, и отличаешься лишь тем, что институт с военной кафедрой окончил, а уволишься так же через два года. А у кого работа тяжелее? – Подполковник своими словами окончательно «подавил» лейтенанта и видя это удовлетворенно продолжил. – Вот несправедливость, всем справедливостям несправедливость. А ты тут великодушного из себя строишь, за бедным солдатиков заступаешься. Если такой великодушный, вот и отдай им свою зарплату, облегчи участь, – теперь подполковник смотрел уже иронично.

– Я ее заработал, – опустив глаза, ответил Рябинин.

– А они, солдатики, что же получается, за семь рублей, да за то, что кормят их тут на рубль пять копеек в сутки, да обмундирование, что на них, которое тоже немного стоит, за все за это два года службу тяжелую тащить должны? Это же задарма получается! – вынес свой вердикт подполковник.

– Но с этим мы ведь ничего не можем поделать. Это не от нас зависит, увеличить денежное содержание солдат, – возразил лейтенант.

– А в тех случаях, что ты тут привел, от нас, то есть, от меня все зависит? – подполковник спрашивал, глядя немигающими глазами на лейтенанта, будто уж на лягушку.

Рябинин заерзал на стуле, опять обмахнул вспотевший лоб, но ответил храбро:

– В общем... я, может быть не все учитываю, но думаю вы бы могли...

Ратников, до того напряженный, вдруг, как будто расслабившись, откинулся на спинку скрипнувшего под ним стула и негромко рассмеялся, качая головой:

– Все тут почему-то думают, что я всемогущ, только делать ничего не хочу. Но поверь, во всем, что ты тут говорил, примерно та же ситуация, что и с солдатской зарплатой. Ничего невозможно изменить, хоть лоб расшиби. Это не от меня и даже не от полкового и корпусного командования зависит, все это оттуда, сверху идет, все давно так заведено и расписано, – Ратников ткнул пальцем в потолок. – И если ничего не меняется, значит, они не считают нужным ничего менять.

– Неужто, и повара заменить так трудно? – не согласился Рябинин.

– И повара, и старшину, да и не только их. Ты думаешь, другие повара, что до этого тут кошеварили лучше готовили? Точно так же. В учебке за шесть месяцев невозможно из случайного восемнадцатилетнего парня сделать хорошего повара. Все я вижу, все я знаю, тяжело солдату. Нашим-то еще что, прослужат тут два года, да домой уедут, а те, что в Афган попали, там ведь вообще жизни не пойми за что отдавать приходится...

Ратников не удержался и вышел за «рамки», но тут же спохватился и резко оборвал «дебаты»:

– Ладно, заговорились мы тут. Давай иди к людям. Дневального пошли к комбатам на квартиры, чтобы завтра к подъему в казарму прибыли, марафет наводить будем.

– Есть! – лейтенант вскочил со стула, приложил руку к шапке и четко повернувшись, вышел. «Неплохой парень, хоть и москвич. Старается», – доброжелательно подумал, глядя ему в след, подполковник.

7

Уже собравшись, наконец, идти домой, Ратников открыл сейф и достал кошелку, осмотрел содержимое. До того у него совсем не возникало настроения даже посмотреть, что за рыбой оделил его вахтер. В газету оказались завернуты десять средней величины копченых сорошек. Но не только рыба, а и газета привлекла внимание Ратникова, то оказалась «Комсомольская правда» от 30 ноября с большой фотографией маршала Жукова и статьей под ним на всю оставшуюся часть страницы. Девяностолетие знаменитого маршала отмечалось широко и с помпой. Подвергнутый опале при Хрущеве, он фактически был реабилитирован при Брежневле, после чего началось нечто напоминающее неофициальную канонизацию маршала. В фильмах, газетных статьях, воспоминаниях ветеранов войны, Жуков предстал как непогрешимый военный гений, которому Советский Союз едва ли не в первую очередь обязан за победу над Германией. Его образ, созданный во многих художественных фильмах актером Михаилом Ульяновым, еще более способствовал пропагандистскому воздействию на весь советский народ. Можно было сказать, что к 80-м годам в стране и, конечно, в армии воцарился культ Жукова. Ратников вспомнил, как вчера вечером по телевизору показывали очередной документальный фильм о Жукове. Он заметил, с каким восхищением смотрит на экран его сын, шестнадцатилетний Игорь. Потом сын задал ему неожиданный вопрос:

– Пап, как ты думаешь, а Жуков более великий полководец, чем Ганнибал, Македонский или Суворов?

Вопрос по времени пришелся на период «напряга» во взаимоотношениях с женой, и Ратников совсем не был готов отвечать на него. С немалым трудом он переключился с банальных житейских проблем, к проблеме «глобально-исторической». Пожалуй, он удивил сына, что не ответил сразу и однозначно: «Да, конечно, куда им всем до Георгия Константиновича», а фактически ушел от ответа:

– Не знаю, сынок, как-то никогда об этом не думал. Эти полководцы, Ганнибал, Македонский и Суворов, они ведь выиграли множество сражений...

– А Жуков разве мало сражений выиграл, и ни одного поражения не потерпел, – настаивал на своем Игорь.

– Не я знаю я, Игореша. Чтобы оценить полководца надо смотреть, как бы это сказать, с более дальней дистанции, с большего временного расстояния. Те, старые полководцы... их имена и дела даже через века кажутся великими, само время доказало их величие. А Жуков... может быть, но неизвестно, как он будет выглядеть с большей временной дистанции. Мы ведь сейчас, что знаем, только его победы. А может, были и неудачи? Это пока что неизвестно, официально во всяком случае. И потом, что он за человек, тоже толком неизвестно, ведь не может такого быть, чтобы личность состояла только из радужных красок, каким нам его нарисовали. Подождать надо, сын, когда все можно будет оценить вполне объективно...

Ратников для колебаний имел некоторые основания, и сам к таким мыслям пришел сравнительно недавно. В школе и военном училище он о Жукове думал, так же как и все его сверстники, как большинство советских людей – даже в период хрущевского правления вокруг Жукова существовал неофициальный героический «нимб». Но, в отличие от более поздних поколений офицеров, он пришел в войска, когда там еще служили, вернее, заканчивали службу, офицеры-фронтовики. И каково же было его, молодого лейтенанта, удивление, когда в конце 60-х его, такой же как сейчас Игоря, восторженный отзыв о легендарном маршале далеко не все из фронтовиков поддержали. Нет, они не опровергали официальное мнение и неофициальную молву, не хаяли Жукова, они просто переводили разговор на другую тему, или отмалчивались. Это не могло его не удивить, заинтересовать, но ветераны обычно не шли на откровенность. И

все-таки, однажды ему удалось «разговорить» одного из фронтовиков. Это оказался тогдашний зам начальника штаба полка, который, будучи на майорской должности стал подполковником благодаря именно своим фронтовым заслугам. Тогда Ратников пригласил в ресторан штабных офицеров, поблагодарить за то, что они вовремя и без задержек отправили его представление на старшего лейтенанта.

– Жуков... конечно генерал был грамотный, но крутой, чрезмерно крутой. Про него говорят, что справедлив был... не знаю, но на моей памяти он поступил очень несправедливо. Моего командира полка он под трибунал отдал, ни за что отдал, – кривя лицо и смахивая слезы, говорил захмелевший ветеран. – В сорок четвертом это случилось, я после ускоренных лейтенантских курсов попал в артиллерийский полк, был заместителем командира батареи противотанковых орудий. – Фронтовик замолчал, выпил водки и не обращая внимание на притихших слушателей, откровенно заплакал. – Я сейчас среди вас сижу, живу, детям своим жизнь дал только благодаря моему командиру полка, если бы не он... Тогда крупную группировку немцев окружили на Украине. Фронтом сначала Ватутин командовал, а Жуков координировал взаимодействие нашего фронта с соседним по ликвидации этой группировки. Он пообещал Сталину, что устроит немцам еще один Сталинград. В общем, как потом говорили, не столько координировал, сколько мешал Ватутину, во все вмешивался, лез. Наш полк бросили затыкать дыру, когда немцы не стали сидеть в котле как под Сталинградом, а мощным клином пошли на прорыв. Полсотни «тигров» шло в голове того клина. Они раздавили два пехотных полка, что стояли на том участке и перли дальше. Нашему полку приказали перехватить их, остановить и сжечь танки артиллерийским огнем. Занять позиции, означенные в приказе, это было натуральное самоубийство. Нас бы просто втрамбовали в землю, даже не почувствовав этого. Вот наш командир и решил послушаться, позиций тех не занимать, а развернуть орудия в другом месте, чтобы не подставляться под их гусеницы и не бить напрасно по непробиваемой лобовой броне «тигров», и поражать их с боку, в борта. Земля тряслась, когда эта армада мимо нас шла – жуть. Ну, мы сожгли где-то машин 10-15, но основная масса, конечно, ушла. Больше мы сделать никак не могли, а если бы поперек их встали, только бы погибли зазря. В ту «дыру» потом где-то половина немецкой группировки из окружения вырвалась. Может ничего бы и не случилось, да тут Ватутин погиб и Жукова назначили нашим комфронта. А он в том, что немцы из окружения вышли нас обвинил. Командира полка под трибунал, заместителей под трибунал, командиров дивизионов понизил в должностях. Ну, я там самый молодой оказался, меня не тронули. Уже тогда я понимал, что жизнью командиру обязан и не я один, если бы он согласно приказа позиции занял, нас бы всех там на метр в землю! А его за это разжаловали и в штрафбат. Что дальше не знаю, в штрафбате долго не жили. И вообще, скажу я вам ребята, как на духу, может и великий полководец Жуков, но про него нельзя сказать как про Суворова или Кутузова, слуга царю, отец солдатам... Слуга он Сталину был, конечно, тот любил его за жестокость, и за то что людей не жалел, для него что солдат, что офицер как личности не существовали, они для него были мусор, также как и для Сталина. Потому и симпатизировали они друг дружке. В конце войны Жукова ведь на направление главного удара, на Берлин перебросили, на смену Рокоссовскому, чтобы именно он Берлин брал и никто другой, чтобы вся слава ему досталась. Так оно и вышло, вся слава у него, вон как славят, а правду... правду еще не скоро про него скажут. Так что, хотите верьте ребята, хотите нет, но не таков он был, как его в фильмах и книгах рисуют...

Эти неожиданные откровения не могли не произвести на свежеиспеченного старшего лейтенанта Ратникова сильного впечатления. Нельзя сказать, что он сразу и бесповоротно изменил свое мнение о Жукове, но... Потом ему не раз приходилось встречаться с самыми различными ветеранами, участниками войны и он иной раз осторожно выспрашивал их мнение о Жукове. Большинство придерживалось официального мнения: железный мужик, маршал победы... Но случались и иные точки зрения. Один ветеран из совхоза Коммунарский,

всю войну прошедший рядовым, видел Жукова всего раз, и выразился о нем так: «Идет вдоль строя, в глаза смотрит, и словно взглядом давит, к земле пригибает, возле меня остановился и спрашивает»:

– Чего солдат, страшно!?

– Никак нет, товарищ маршал, – отвечаю

– Как не страшно, врешь, меня все боятся!

– Вижу, недоволен он моим ответом, потом дальше пошел и два раза на меня оборачивался, и так смотрел, словно запомнить хотел...

А некоторые отставники-офицеры, которых приглашали на «круглые» юбилеи полка, уже в 70-е годы, размолв от водки за праздничным столом и, видимо, осмелев, но все же полупотом говаривали, что у Жукова имелись и крупные неудачи, о которых официальные историки помалкивают, и про то, что потери в его войсках были едва ли не самые большие. Другие вообще в стратегическом отношении выше Жукова ставили Конева, Толбухина, Петрова, а его славу целиком приписывали хорошему отношению к нему Сталина и раздутой вокруг его имени информационной шумихе, где успехи выпячивались, а неудачи замалчивались.

По всем этим причинам не смог Ратников на вопрос сына ответить однозначно, он сам ни в чем не был уверен. Тем не менее, именно жуковская, так называемая, требовательность, вот уже несколько десятилетий ставилась в пример всем офицерам, особенно молодым. Стремись походить на маршала Жукова, требуйте с подчиненных так, как он умел требовать – его приказ всегда был закон для подчиненных. Не раз эти слова Ратников слышал из уст больших начальников, даже тех, кто сами в аспекте требовательности не очень преуспели, а карьеру сделали в основном за счет других факторов: хитрости, изворотливости, везения, бессовестного «вылизывания задниц начальству», или благодаря помощи влиятельных родичей. Многие простодушные «слушатели» пытались претворять эти слова в жизнь и руководствовались в своей служебной деятельности именно этим «напуганностью» – пытались требовать, как требовал Жуков. При этом не учитывалось, что как в стране, так и в Армии уже не стало той, сталинской дисциплины, основанной на животном страхе, благодаря чему могли так эффективно «требовать» Жуков и ему подобные, как военные, так и штатские советские начальники. Потому эффект у таких командиров где-то с шестидесятых годов получался прямо противоположный ожидаемому – их ненавидели подчиненные как солдаты, так и офицеры и при первом же удобном случае устраивали «подлянки».

А на отдаленных «точках» в результате подобной «требовательности» случались даже солдатские бунты или устраивание «темных», избиений командира подчиненными ему офицерами. И это почти всегда, что называется, «сходило с рук». Ведь Жуков за неисполнение своего приказа мог, как посадить, а в военное время даже расстрелять того, кто его приказ не исполнил. И он очень часто прибегал именно к таким мерам. Но в шестидесятых, а тем более в семидесятых и восьмидесятых годах офицер, тот же командир дивизиона, фактически потерял большую часть тех «рычагов воздействия», которые имелись в распоряжении офицеров в сталинские времена. Посадить того же солдата, злостного нарушителя воинской дисциплины даже на гауптвахту стало почти невозможно. Для наказания виновный должен был совершить поистине какое-нибудь вопиющее, откровенно уголовное преступление. А если он ходит в самоволки или посылает на три буквы офицера – за это в первую очередь политработниками обвинялись сами офицеры в неумении «разговаривать с солдатом» и предписывалось... да-да, усилить требовательность. Как усилить, если тебя посылают!? На это политработники советовали найти подход к подчиненным, опять же научиться «разговаривать с солдатом». То, что среди солдат попадаются и те с кем вообще не возможно разговаривать... Это как оправдание не принималось. Немудрено, что многие офицеры, особенно те, кто обладал немалой физической силой, пытались «требовать» посредством физического воздействия на непослушных

подчиненных. У некоторых это даже получалось, но именно у командиров-мордобойц чаще всего случались массовые неповиновения.

Ратников обладал немалой физической силой, но никогда не распускал руки. Бить маленького солдата – он считал это несолидным. Бить большого – вполне можно было получить сдачи. Хотя он знал, что наиболее дальновидные из командиров-мордобойц именно избивая слабосильных нарушителей дисциплины, запугивали остальных и создавали некое подобие уставного порядка в казарме. Нет, он искал другие пути поддержания приемлемого уровня воинской дисциплины. Ох, как это нелегко, когда в руках командиров почти не осталось легальных рычагов воздействия в первую очередь на маргиналов призванных в ряды Вооруженных Сил. Ярчайший пример армейского бардака, вид почти неуправляемой казармы Ратникову пришлось наблюдать в конце семидесятых годов в Новокузнецке. Дело в том, что до 1980 года Серебрянский полк входил не в Алма-Атинский корпус, а подчинялся отдельной Новосибирской армии ПВО. В те годы Ратникову частенько приходилось ездить в командировки в различные части этой армии. Так он оказался в Новокузнецке в тамошнем полку ЗРВ. Увиденное там запечатлелось в его памяти так, что он до сих пор все помнил в мельчайших подробностях. Тогда Ратников не смог устроиться в гостиницу и ночевал в одной из казарм полка... То, что солдаты называют прапорщиков и младших офицеров на ты, это были еще «цветочки». Во время вечерней поверки в ответ на называемую старшиной фамилию солдата почти весь строй дружно отвечал «я», так что установить точно есть ли в строю данный человек или нет было невозможно. Когда на следующий день Ратников спросил старшину, знает ли он сколько примерно людей из его подразделения находились во время поверки в самоволке, пожилой прапорщик грустно ответил:

– Знаю не примерно, а точно, вчера в строю отсутствовал почти весь старший призыв, да и из «годков» несколько человек.

Когда Ратников выразил удивление, почему он о таких вопиющих нарушениях не докладывает, прапорщик опять же пояснил:

– Товарищ майор, докладывать нет смысла, все всё знают, но мы ничего не можем сделать. Здесь и похуже случается, а это... Эх если бы мне до пенсии не оставалось шесть лет ушел бы ей Богу, а так терпеть приходится, никуда не денешься.

– И давно такое у вас? – поинтересовался Ратников.

– Да уж несколько лет, как нынешний командир с начальником политотдела полком нашим рулят. Они солдат вообще не наказывают, зато наверх идут доклады о полном отсутствии в нашем полку нарушений воинской дисциплины. В передовиках ходим.

В тот же день Ратников увидел еще один пример высокого уровня воинской дисциплины этой «передовой» части. Главный инженер полка, собирался выезжать на какую-то «точку» с проверкой. Но солдат-водитель УАЗика отказался ехать:

– Не поеду... замотали вы меня, суки... устал я!

На него и кричали, и пытались по-хорошему уговорить, на что он матерился и говорил, что видал эту службу и всех своих командиров в гробу. В конце концов от него отстали и за руль сел другой водитель «молодой», последнего призыва.

– Вы думаете, ему чего-то за это будет? – говорил Ратникову тот самый старшина. – Ничего. У нас только «молодые», да те кто по полгода прослужил выполняют приказы. «Старрики» вообще не слушаются, а «годки» через одного. Вот так и живем.

Таких полков Ратников больше не видел ни где, ни в Новосибирской Армии, ни в Алма-Атинском корпусе. Но увиденное в Новокузнецке в дальнейшем очень помогло ему в служебной деятельности. Ведь он воочию убедился, во что может превратиться Армия при столь «чутком» руководстве. Он как никто понимал, к чему могут привести крайности в современных условиях, такие как чрезмерная требовательность вплоть до рукоприкладства, или наоборот, чрезмерная «демократия».

8

На часах половина девятого, но подполковник вновь не смог пойти домой, ибо в канцелярию постучали...

– Да!

Дверь открыл худощавый, горбоносый, черноволосый младший сержант.

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Да, заходи!

– Разрешите обратиться?

– Да, Григорянц, что у тебя? Пол в казарме, помог заделать?

– Да, там на пять минут работы было. В свинарнике я перегородки уже починил, а вот в овощехранилище ничего не получается...

Варган Григорянц пришел в дивизион более года назад, после окончания учебного подразделения. Он стоял на должности командира расчета одной из систем станции наведения ракет. Но уже в первой ознакомительной беседе Ратников выяснил, что этот долговязый бакинский армянин ценнейшая находка для дивизиона. Где-то с седьмого класса он школьные каникулы проводил не в пионерских лагерях, а помогал своей семейной бригаде, ездил по всему Союзу, строя по договорам различные сельхозобъекты: коровники, свинарники, склады, амбары, овощехранилища... Варган умел плотничать, штукатурить, класть кирпич и делать множество других строительных дел. Разве часто можно найти такого на все руки мастера среди 18-ти – 20-ти летних вчерашних школьников?

Пожалуй, в каждом крупном и среднем советском городе имелись всевозможные мелкие мастерские, этакие киоски, всякого там мелкого ремонта, обувные и прочие предприятия сферы услуг. Но можно ли такое представить, что в огромном многонациональном городе во всех такого рода «учреждениях» явно преобладают люди одной национальности, причем не самой многочисленной в данном городе. Такой город в Советском Союзе был и имя ему Баку. А те ремесленники, портные, сапожники, пекари – армяне, бакинские армяне. Впрочем, тех армян армянами в полном смысле слова назвать было уже нельзя. Народ старше которого на планете являлись разве что евреи... Так вот армяне гордились своим древнейшим происхождением и культурой, и за тысячи лет привыкли жить в окружении других более молодых и многочисленных народов и имели ограниченные возможности развиваться на основе своего языка, письменности. Потому они тянулись к тому, что им казалось более приемлемым, перспективным. Бакинские армяне однозначно тянулись к русской культуре. Они отдавали детей в русские школы, ибо армянских было очень мало, а азербайджанские они игнорировали. Результат налицо – поколение бакинских армян, выросших при советской власти, русским языком владели как родным, значительно лучше, чем армянским. А на каком языке говоришь, на том и мыслишь. Кем были в реальности бакинские армяне вопрос довольно сложный, но то, что руки у многих из них росли откуда надо, это непреложный факт. Вот из такой семьи потомственных трудяг происходил Варган Григорянц.

Хозпостройки в дивизионе за более чем двадцать лет изрядно обветшали, и Ратников «бросал» Григорянца то в свинарник, то в овощехранилище, то латал его руками казарму, то чинил заборы. Таким образом, на СНР младший сержант был нечастым гостем, и почти забыл то, чему его учили в «учебке». На полковых совещаниях главный инженер полка постоянно обвинял Ратникова, что он использует специалиста не по назначению. Но подполковник легко парировал эти выпады тем, что не просил у полка, ни плотников, ни штукатуров, обходясь, так сказать, своими силами.

- Что именно у тебя не получается в овощехранилище? – озабоченно спросил Ратников.
- Почти все столбы подгнили, менять надо. Это только весной сделать можно, одновременно с просушкой, – пояснил Григорянц.
- Значит, ты предлагаешь закрома пока не трогать?
- Да, не стоит один два столба менять. Лучше за зиму все приготовить, доски, столбы, а весной картошку, которая останется, наверх сушить вынести, и сразу все поменять.

Ратников помнил трехмесячной давности компанию по заготовке овощей. Картофель на дивизион завозили как всегда из совхоза «Коммунарский». На этот раз заготовили далеко не лучший продукт, а тот который вырастили «ради плана». То оказались необыкновенно крупные клубни. Именно величина картошин насторожила Ратникова – он заподозрил неладное. Перебравший, убравший и съевший за свою жизнь (как каждый рядовой русский человек) немало картошки, он, однако, никогда не видел таких «чудо-клубней». Попытку отказаться от этого картофеля сразу пресек начальник тыла полка. С директором совхоза орденоносцем Землянским у него был заключен договор. Сам директор совхоза в сентябре как раз находился в отъезде, и с ним встретиться и договориться тоже не получилось, а когда он приехал «клубни-богатыри» уже лежали в дивизионном овощехранилище. Землянский потом взгрел своего заместителя, а Ратникова честно предупредил, картошка по всем статьям хорошая, есть ее можно без всякой опаски, но не лежкая, утешив, что если до весны не долежит, он из своих резервов подбросит, по знакомству, без оплаты. Гнить эта картошка стала почти сразу, как заложили, и по субботам в парково-хозяйственные дни из овощехранилища регулярно выбрасывали по полтора два мешка гнили – не хотели долго храниться напичканные пестицидами, а не земными соками клубни.

«Нет, до весны, да еще в сырости, она не протянет, и к Землянскому ехать тоже не охота. Он хоть и обещал, но просто так все равно не даст. Нет, надо все-таки попробовать хранилище как-то починить сейчас, может сохраним картошку...»

Свои размышления подполковник, конечно, не стал высказывать Григорянцу. Зачем знать солдату о безразличии большого начальства, которому плевать что ест, так называемый, личный состав, какую картошку, качественную или перекормленную удобрениями. Они ведь не сомневались, что их детям никогда не достанется есть такую картошку. Ратников воздействовал на Григорянца по-своему:

- Как весной, весной же ты увольняешься!?
- Можно за апрель успеть, – ответил «домашней заготовкой» младший сержант.
- Это у вас в Баку в апреле уже лето и сухо, а здесь самая сырость, снеготаяние. А что если я тебя в мае придержу? В мае как раз подсохнет. А? – Ратников сощурил глаза в хитрой улыбке.

Григорянц на глазах сник. Он мечтал уволиться в поощрительную партию к майским праздникам.

– Не бойся, шучу, – поспешил его успокоить подполковник. – А овощехранилище все равно тебе чинить, больше некому. Давай Варган мозгуй, говори, что от меня требуется, и недели через полторы-две начинай. Это будет твой дембельский аккорд.

– Зачем через полторы, можно и на этой начать, – безрадостно отреагировал Григорянц, ибо ему не удалось избежать неприятной продолжительной работы в прогнившем, пропахшим плесенью и гниющими овощами, хранилище.

– Нет, пока не надо. Ты пока что лучше побудь на своей штатной должности. Тут к нам командир корпуса с комиссией приезжает. Так, что срочно становись опять оператором координатной системы. Не забыл еще, как с осциллографом работать? Доподлинно известно, что в составе комиссии главный инженер корпуса едет, а он, как известно, по координатной спец, спросить что-нибудь может. И это... попробуй как-нибудь руки отмыть, ацетоном что-ли, а то они у тебя в краске все, сразу видно, чем ты тут занимаешься.

Разговор с Григорянцем как-то исподволь подвиг Ратникова к размышлениям о нем. Удивительно армянин, кавказец, а кроме внешности на остальных кавказцев совсем не похож. Правда, в дивизионе имелся еще один примерно такой же, грузин, сержант Церегидзе. Он тоже уж слишком отличался от прочих «гордых сынов Кавказа» своей скромностью и тихим нравом. Но тот от этого своего «несоответствия» так страдал, что об том знали едва ли не все на «точке». Нет, Григорянец это вообще особая статья, он даже по ментальности скорее кто угодно, но только не кавказец, оттого и друзья у него в основном славяне, а с прочими джигитами он старается вообще не контактировать. Может оттого, что рос в русской среде, учился в русской школе. А вот те же армяне из Армении они такие же, как прочие кавказцы.

Подполковник вздрогнул и словно очнулся от тяжелого мыслительного оцепенения, посмотрел на часы...

Домой Ратников попал только к девяти часам вечера. «Всего час продержаться, а там опять в казарму, на вечернюю поверку уйду», – думал он, отряхивая снег с сапог, стоящим на веранде веником. Ему сейчас больше всего не хотелось возобновлять нудный вчерашний разговор с женой, на излюбленную тему большинства женщин со значительным стажем семейной жизни: кто виноват? После того разговора жена всю ночь проспала, повернувшись к нему спиной, а утром, когда он собирался выезжать в управление полка, молчала насмерть, что грозило длительной размолвкой.

9

Офицерская и семейная жизнь у Ратникова началась одновременно: свадьбу сыграли через день после его выпуска из училища. Все знакомые и родные наперебой говорили, что жених с невестой, как никто друг другу подходят. Ему 20-ть, ей 18-ть, она выпускница торгового техникума, он – молодой лейтенант, оба высокие, видные... ярославские. Правда, она городская, а он деревенский, с области. Тогда в середине шестидесятых, офицер был еще в хорошей «цене» и Ане завидовали подруги. Переполненная счастьем, она и предположить не могла, что из двадцати лет супружеской жизни первые двенадцать вообще будет «сидеть» без работы, а потом ей придется работать всего лишь продавцом маленького дивизионного магазина, безо всякой перспективы роста, то есть ей предстояло превратиться в бесплатное приложение к мужу. Не могла тогда Аня и предвидеть, что со временем уже она будет завидовать тем же подругам, оставшимся в Ярославле, повыходившим замуж даже за простых работяг, но ставших товароведами, заведующими отделов, а то и директорами магазинов, универсамов... а главное, свивших уютные гнезда-квартиры, обзаведшихся дачами, машинами, живущих стабильной и относительно спокойной жизнью. Повезло, правда, далеко не всем ее однокурсницам. Кое-кому и небо в клетку с конфискацией судьба уготовила – заниматься торговлей в СССР было хоть и прибыльно, но довольно рискованно, попробуй, удержишься от соблазна, когда кругом дефицит всего и вся. Да и в личной жизни далеко не у всех все образовалось. Но кто же равняется с неудачниками, а к сорока годам пора уже обрести устойчивый «якорь», а не плыть по течению, доверяясь капризуле-судьбе.

Какая область человеческих отношений наиболее широко и многогранно описана, обэкранена, изображена, изваяна? Конечно любовь. И это справедливо, ведь любовь, это источник жизни, ее двигатель (не единым разумом живы), самое прекрасное и возвышенное из чувств, присущих людям. Но, вознося до небес любовные страсти и страдания, авторы и постановщики обычно стараются не очень акцентировать внимание читателя или зрителя на отправных точках зарождения сего великого чувства, ибо уж очень они плотские, приземленные. Как правило, это всего лишь внешность его, или её. Увы, это так, в первую очередь притягивает «оболочка», а уж потом все остальное, так называемый «внутренний мир». И обозрение этой «оболочки» чаще всего происходит...

Сама жизнь сотворила те мероприятия, где молодые люди ищут своих суженых: посиделки, гулянья, балы... После революции 17 года все это в основном осталось в прошлом. В советское время в этом важнейшем деле доминировали танцы. Танцплощадки, Дома Культуры и им соответствующие места стали самым притягательным «магнитом» для молодежного досуга. Они, кроме всех прочих, выполняли и те функции, которыми на Западе были озадачены брачные газеты и всевозможные бюро знакомств, и даже, в некоторой степени «вестибюля» домов терпимости. С той же целью организовывались танцы и в военных училищах. Но здесь имелись некоторые сугубо специфические отличия: на училищном КПП без ограничений пропускали всех девушек, и в то же время тормозили и разворачивали гражданских парней. Таким образом, на училищных танцах курсанты оказывались вне посторонней конкуренции, да еще под зорким присмотром своих взводных и батарейных офицеров. Все это исключало появления там пьяных и всякого рода открытых проявлений грубости и хамства. Не мудрено, что такая организация танцев, гарантирующая полную безопасность, особенно нравилась девушкам. К тому же многие из них были не прочь познакомиться с курсантами – тогда армия еще не утратила определенной притягательности.

Вот на таких танцах в военном училище и познакомился курсант Федя Ратников со своей будущей супругой. И причина, что потянула его пригласить Аню на танец, оказалась самая,

что ни наесть приземлено-плотская – ему внешне понравилась девушка. Что именно? Пожалуй, все по совокупности: светлые волосы стриженные под «бабетту», фигура, которую ладно облегли модные юбка и кофточка, гордая, эдакая королевская посадка головы, но более всего, конечно, на его вкус очень красивые, полные ноги. Шел 1964-й год и уже стартовавшая на Западе мода ни «мини» в Союзе ощущалась разве что в Москве, Ленинграде, да Прибалтике, но кое какие «веяния» проникли и в Ярославль, потому девушки все более смело укорачивали юбки, открывая ноги. Он приглашал ее на все медленные танцы. Но на «твист» самый модный тогда быстрый танец, Федя выходить не решался. Уж очень срамными казались ему, деревенскому парню, эти вихляния бедрами под музыку, да еще в форме. Однако он с неведомым дотоле ревнивым чувством следил как «его» партнерша демонстрирует эти самые «срамные» телодвижения в кругу подруг. Они ему в ее исполнении вовсе не казались безобразными, она это делала настолько естественно и красиво... «Твист» танцевали в основном девушки друг с другом, так как большинство курсантов, подобно Феде стеснялись «дергаться» таким образом и предпочитали переждать быстрый танец. Но танго, вернее его простонародный вариант, не требующий особого умения, лишь не наступай партнерше на ноги... Федя не пропустил ни одного медленного танца и на пятом окончательно познакомился, а на седьмом назначил свидание...

Аня в свои шестнадцать лет уже отчетливо осознавала себя красивой и в этой связи имела свои «критерии отбора» для молодых людей, стремящихся с ней познакомиться. Сама высокая, без малого сто семьдесят сантиметров, для той, еще доакселератной поры, почти баскетбольный рост, к которому еще пять-десять сантиметров добавляли каблуки-шпильки, да еще высокая прическа. Эта «высота», конечно, отпугивала большинство невысоких парней, да она и сама не признавала таких, на которых приходилось смотреть сверху вниз. С Федей как раз оказалось все в порядке, его 183-х сантиметров вполне хватало, чтобы Аня даже на своих каблуках смотрела на него немного снизу. Впрочем, дело было не только в росте. Возможно, сыграла определенную роль застенчивость этого довольно видного, и в то же время по-деревенски произносящего слова курсанта. Чувствовалось, что такой не станет шептать на ухо всякие пошлости, или во время танца, вроде бы невзначай передвигать руки с талии на бедра и слишком плотно прижиматься. А может, она просто по женскому наитию безошибочно определила в парне ту надежность, что ищут и так и не находят многие бабы-бедолаги. На этот вопрос Аня, пожалуй, не могла бы ответить ни тогда, ни позже. Тогда же он приглашал ее раз за разом на танго, а когда она с подружками «откальвала твист», то невольно краснела, чувствуя на себе в этот момент именно его взгляд, хоть находилась в «перекрестии» многих.

То, что началось на танцах в училище имело логическое продолжение, и в конце концов привело к памяtnому для Феде и Ани дню свадьбы. Вернее, свадеб было две. Первую играли в доме невесты, вторую через неделю в доме жениха. А до свадеб имело место без двух месяцев два года той поры, что недаром именуют «золотой», когда парень ухаживает за девушкой. Федор сразу ухаживал всерьез, ни минуты не сомневаясь в выборе, и Аня довольно быстро это осознала, отбросив все свои прежние увлечения. Впрочем, до Феде ничего серьезного у нее не было и быть не могло. Ее мать работала на железнодорожном вокзале буфетчицей и имела возможность «приносить» домой. Потому она растила дочь в относительном достатке. Мать ее баловала, в первую очередь это касалось продуктов питания, но в поведении никаких вольностей не позволяла. Так, что позже восьми вечера Аня домой никогда не приходила. Сама анина мать являла собой пример нравственной чистоты советского образца. В 50-е и 60-е таковыми считались одинокие женщины, растящие детей и спокойно с достоинством переживающие свое одиночество, не ищущие мужика «любой ценой». Действительно ли Анастасия Андреевна так любила своего умершего еще в начале 50-х годов от последствий фронтовых ранений мужа, что не пожелала видеть на его месте ни кого другого, или не хотела травмировать дочь, или сыграл роль острый дефицит в то время мужчин подходящего возраста (тому поколению не

повезло, их молодые годы пришлось на войну стоившую России многих миллионов жизней в первую очередь мужчин). Так или иначе, но она полностью посвятила себя дочери, и Аня, выросшая без отца, сиротой никогда себя не ощущала.

Мать и дочь всегда понимали друг друга с полуслова, и когда Аня впервые, через пять месяцев знакомства, в середине зимы пригласила Федора к себе домой и познакомила с матерью, та почти сразу же поняла, что заботиться о дочери ей осталось не долго. Но тогда она ни на секунду не усомнилась, что счастье дочери, важнее ее собственного не удавшегося в личном плане существования. А для женщины всего несколько лет пожившей супружеской жизнью, к тому же с весьма нездоровым мужем, счастье заключалось в долгой семейной жизни, и чтобы муж был здоровым. А то, что этот худой, долговязый деревенский парень в шинели и сапогах по-настоящему надежен и совершенно здоров, Анастасия Андреевна тоже поняла довольно быстро. Некоторое время спустя она даже перестала опасаться оставлять дочь одну с Федей в своей однокомнатной квартире...

Квартиру с удобствами в типовой новостройке-пятиэтажке Аня с матерью получили чисто случайно в 1960-м году. До того они жили в довольно старом покосившемся личном доме с «удобствами во дворе», доставшимся Анастасии Андреевне от своих родителей. Анина мать не работала ни на моторном заводе, ни на шинном, ни на каком другом крупном ярославском предприятии, рабочих и служащих, которых в первую очередь селили в квартирах с удобствами в районах новостройках, которые начали бурно возводить с конца пятидесятых годов. Но им можно сказать повезло, их старый домик в ходе реконструкции исторического центра города попал под снос, и взамен была предоставлена квартира на северной окраине города в Брагино. Сначала не больно обрадовалась Анастасия Андреевна ехать с привычного обжитого центра на окраину аж за промзону, но когда в 1960 м году въехали в новое жилье поняла, насколько легче жить, имея постоянно как холодную, так и горячую воду, ванну и теплый туалет. Потому и Аня, довольно быстро привыкнув к удобствам, уже вроде бы и не мыслила свою жизнь без них. Естественно и Федя, впервые попав хоть и в маленькую, но благоустроенную квартиру Ани не мог сдержать восхищения от невиданных для него так называемых «удобств». Мать Ани, зная, что этот курсант родом из деревни, спросила, как ему понравился город. И здесь Федя стал расточать похвалы Ярославлю, в потоке которых не мог не удивиться большому количеству красивых церквей. На что Анастасия Андреевна на правах исконной жительницы города, заметила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.